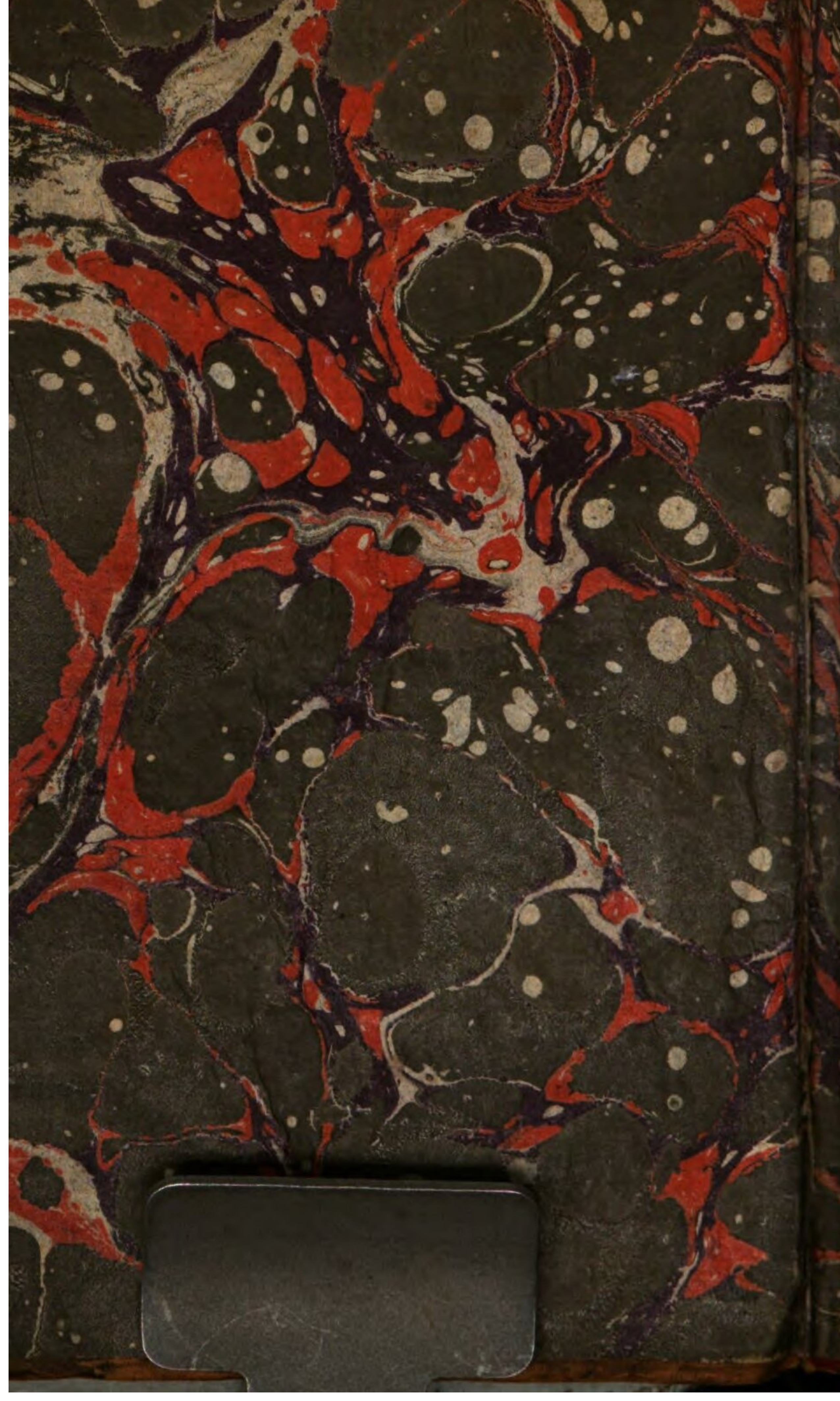
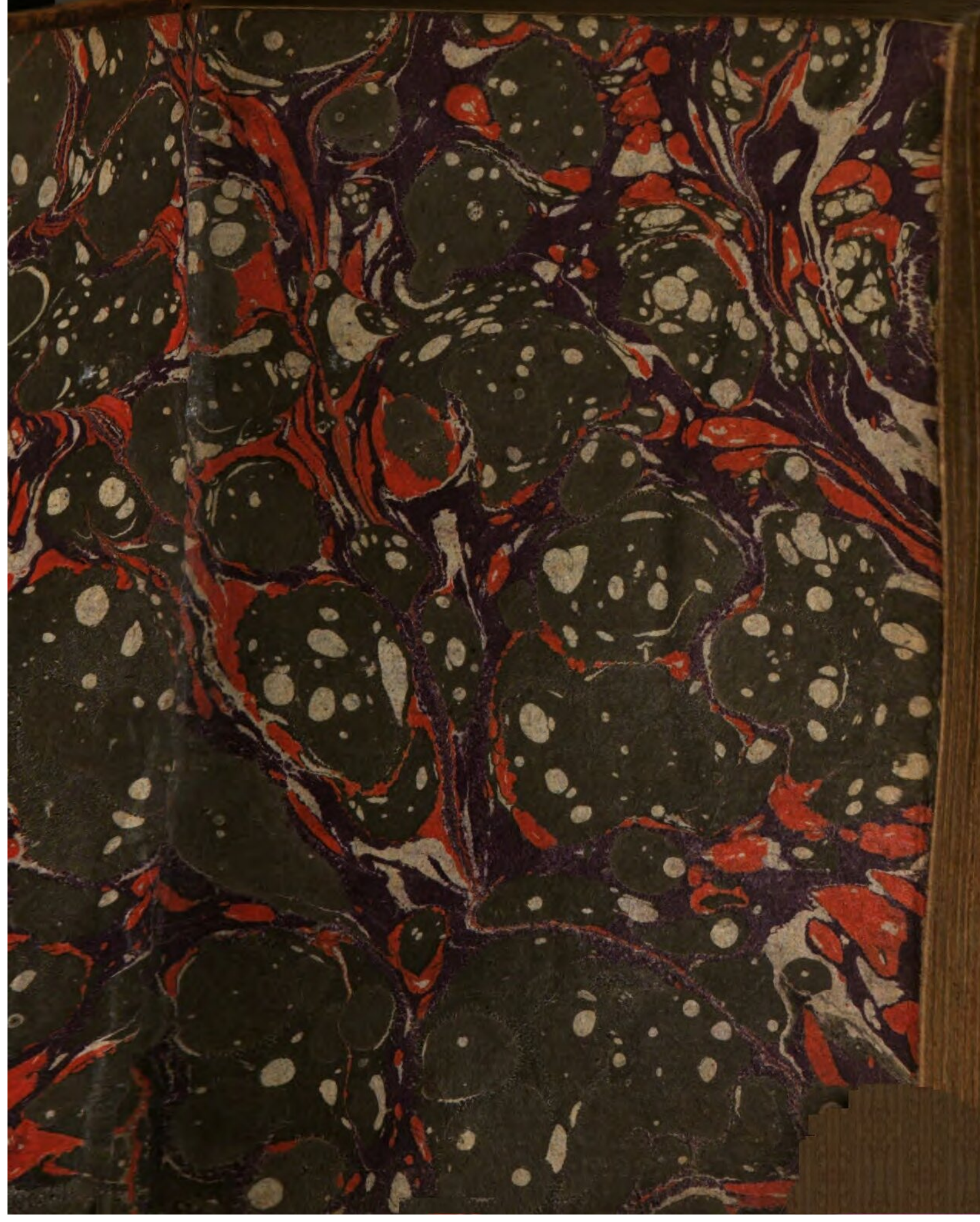






AK n 5/87-10-

Jan.



<36611885370016

<36611885370016

Bayer. Staatsbibliothek

ТЕРПИМОСТЬ

И



№113

ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЕ,

ИЗОБРАЖЕННЫЯ

ВЪ ТРОГАТЕЛЬНЫХЪ

ПОВѢСТЯХЪ.

Сочиненія Г. Эккартсгаузена.

Переводъ съ Нѣмецкаго.



ЧАСТЬ ВТОРАЯ.



ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.



МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1817.

Р.о.детт. 2097 с-2

Съ одобренія Универси-
тетской Ценсуры.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

20/91/1960



III.

ЭТВИНЪ и ЗАМА,

Восточная повѣсть.

Еще слезы блистали на щекахъ Замы и горестъ по-мрачала взоры ея, какъ благо-дѣшальной сонъ излилъ на нее бальзамъ свой. Блистающее утро разсѣяло мраки ночные; шонкіе шуманы осѣнили пробудившуюся главу горныхъ лѣсовъ, и мрачная темноша съ высокихъ горъ низпала на глубокія долины. Скоро шелъ Эпвинъ, провождаемый вѣрнѣйшимъ другомъ своимъ, благороднымъ Эгардомъ. Сладостныя надежды и пріятныя меч-

танія подкрѣпляли несчастнаго. Зама еще любишь меня, говорилъ онъ: можешь бышь она проливаетъ слезы, думая, что я навсегда разлученъ съ нею. Она не знаешь, что Небо сохранило меня для того, чѣмбы, можешь бышь, навсегда возвратишь ей.

О Эгардъ! тамъ въ рощѣ часто покоились мы подъ шѣнію дружественныхъ кустарниковъ; тамъ на берегу, устѣянномъ цвѣтами, въ горести своей часто повергался я на руку Замы, и вѣпръ изсушалъ слезы на щекахъ ея, слезы, которыя она обо мнѣ проливала. Вѣчное Существо! какъ радостна будешь для меня та минута, когда опять найду я мою Заму! Когда она вдругъ увидишь меня у ногъ своихъ; и радостное удивленіе заблес-

шипъ въ глазахъ ея, когда
 сердце ея забьется сильнѣе,
 Когда она, въ сладоспномъ сму-
 щеніи, желая говорить, не
 скажетъ ни слова, и быспрая
 радость будетъ сильнѣе вся-
 кихъ словъ — Эгардъ, какъ
 пріятно будетъ мнѣ тогда за-
 бытъ всѣ мученія, за нее пре-
 терпѣнныя! Такъ говорилъ Эш-
 винъ, и вмѣстѣ съ другомъ сво-
 имъ проходилъ поле, которое
 мало по малу освѣщала утрен-
 няя заря. Солнце восходитъ,
 сказалъ онъ Эгарду: можетъ
 быть она покоится теперь въ
 объятіяхъ сна, сомкнувшаго
 глаза ея послѣ слезъ полуноч-
 ныхъ; можетъ быть страш-
 ное сновидѣніе безпокоитъ ми-
 лую Заму! Еще нѣсколькъ ми-
 нутъ, и я увижу ее; тогда
 горькія слезы перемѣнятся на
 крошкое чувствованіе веселія;

я увижу Заму, и ничто не разлучишь меня съ моею любезною. Такъ мечпаль Эпвинъ; роса, подобно блистающимъ перламъ, лежала на висящихъ лиспочкахъ травъ; зеленой лугъ украсился пестрою; цвѣты пробуждались опъ сна, и пихой вѣшеровъ развѣвалъ бальзамическое благоуханіе разпускающейся розы. Эпвинъ приближался къ жилищу Замы, и сердце его съ каждою минутою билось сильнѣе, быспрѣ обращалась кровь его, чѣмъ яснѣе блиспала для него надежда опяшь увидѣть свою Заму.

Недалеко опъ жилища ея возвышалась мирная роща; мѣлкіе кустарники и ароматныя распѣнія, цѣлебныя травы и цвѣты покрывали землю, высокіе мирпы и величественныя лавры бросали на нее пріятную

пѣнь: тамъ Зама воздвигла жер-
пвенникъ; тамъ съ упреннею ро-
сою часто возносился фиміамъ
ея и молитвы о спасеніи Эпви-
на. Еще разспилался тонкой
дымъ и наполнялъ воздухъ слад-
кимъ благоуханіемъ, еще Зама
стояла на колѣнахъ и прино-
сила молитвы Небу, какъ вдругъ
Эпвинъ вошелъ въ сей священ-
ный храмъ и вдругъ увидѣлъ ее.

Кто изобразитъ первую
мину свиданія, въ которую
разлученные любовники опять
соединяются? кто выразитъ
чувство любви, радость сер-
дечную? Пусть Херувимъ возъ-
метъ кисть Божества и избе-
ретъ краски изъ всего творе-
нія, и онъ не въ состояніи бу-
детъ начертать чувствованій
душевныхъ.

Я опять вижу тебя, Эп-
винъ! вскричала Зама: я опять

вижу тебя, думавъ прежде, что мы разлучены навѣки. — Милая душѣ моей! опшвѣчалъ Эшвинъ: Боги хранили меня и друга моего Эгарда. Ужасна была прошедшая ночь; ничто въ Природѣ не можетъ быть подобно тѣмъ страшнымъ сценамъ, которыя принужденъ былъ видѣть. Кровь лилась вокругъ насъ, сценанія смерти наполняли окрестности; тысячи труповъ покрывали поле сраженія, и убійство продолжалось бы еще болѣе, еспылибъ мракъ ночи не разсѣялъ варваровъ. Кажется, Природа хотѣла покрыть завѣсою сіи жестокоcти, ибо никакая ночь не можетъ быть столь мрачна, какова была вчера. Благодарю Небо, Зама! что я и Эгардъ не омочили рукъ своихъ пролипою кровію.

Зама и Эшвинъ жили въ шѣ времена, когда Калифы распро-
страняли мечемъ ученіе Маго-
метово и безчеловѣчно умерщ-
вляли всѣхъ шѣхъ, кошорые не
вѣровали ему.

Зама была воспитана въ
Персіи, и Оросминъ, отецъ ея,
поселилъ въ сердце ея чувство
соспранданія къ ближнему и лю-
бовь къ Божеству. Когда Ма-
гометовъ духъ преслѣдованія
распространился въ Азіи, то
Оросминъ со всѣмъ семействомъ
своимъ скрылся въ отдаленную
отъ людей страну; тамъ въ
уединеніи онъ жилъ съ своею
Замою и служилъ людямъ и
богамъ.

Зама возраспала какъ ро-
за въ пустынѣ, — прекрасна и
плѣнительна. Непримѣтно, по-
добно фіалкѣ, разпускалась она,
и была радостію Оросмина.

Въ невинности и простотѣ протекали дни ея, какъ свѣтлой ручей, текущій въ уединенной долині. Спокойно и щастливо жила Зама, хотя чувствовала иногда въ сердцѣ своемъ побужденіе, котораго сама она не могла изъяснить. Когда она саживала въ роцѣ и срывала розы; когда украшала цвѣтами жертвенникъ, посвященный божеству; когда въ ясное утро обращала взоръ свой на прекрасную, лежащую вокругъ страну: то всегда какъ будто бы говорило ей сердце: О Зама! еслилибъ былъ смертной, которой бы могъ раздѣлять съ тобою всѣ чувства твои, и которой бы наслаждался вмѣстѣ съ тобою сими красотою Природы! Такъ говорила Зама сама въ себѣ, и крошкое чув-

ешвованіе любви раждалось въ сердцѣ ея.

Эшвинъ и Эгардъ были два друга, воспитанные въ вѣрѣ Магомешовой; они были храбры и благородны и съ самаго младенческаго носили уже оружіе и сражались за Обладателя Азіи. Но гласъ Природы былъ сильнѣе, нежели воспитаніе; они признавали услами вѣру Магомешову и презирали въ душѣ жестокость Калифовъ. Богъ истины, говорили они, приповѣдуетъ законъ свой не мечемъ, и кровь человѣческая никогда не должно омочать Его жертвенника.

Калифы послали для преслѣдованія войско въ самую отдаленную страну Азіи; между прочими достался сей жребій Эшвину и Эгарду, и они должны были идти туда, долж-

ны были или обращаешь въ вѣру, или умерщвляешь. При семъ-то случаѣ нашель Эшвинъ За-му, и сердца ихъ заключили неразрывный союзъ нѣжнѣйшей любви.

Тутъ Эшвинъ въ первой разъ почувствовалъ, что такое истинное счастье жизни. Простота Природы, дружество и любовь, замѣняли для него всякое шоржество, всѣ радости великолѣпныхъ чертоговъ, а Зама и другъ его Эгардъ составляли для него цѣлой свѣтъ.

Счастливы помы, кто въ мирномъ уединеніи покоишься въ объятіяхъ друга, а на груди любезной своей вкушаетъ чистѣйшія радости человека! Дружба и любовь суть лучшіе дары Божества; это наслажденіе блаженствомъ лучшаго мі-

ра. По ту сторону гроба нѣтъ болѣе разлученія; свободный духъ чувствуетъ внутреннюю силу свою и спѣшитъ къ истинному существованію. Ты будешь тамъ я, а я буду тамъ ты. Щасливъ тотъ, кто въ семъ мірѣ узналъ это великое предопредѣленіе! Но сей языкъ чуждъ и весьма мало понимаютъ его. Эшвинъ и Зама знали его; ибо непорочность чувствованій укрѣпила око души ихъ и слухъ сердца, и они видѣли и слышали то, чего тысячи изъ людей не видятъ и не слышатъ. Любовь есть поле благородное, поле много объемлющее имя, и по большой части оскверняемое — имя, которое Божество изыскало на листочкѣ самага малаго растѣнія и начерпало на вершинахъ кедровъ Ливанскихъ — имя,

Часть II.

Б

изображенное перспомъ Создателя на пурпуръ зари упренней и блистающее въ сіяніи звѣздномъ на мрачномъ покровѣ ночи, — и при всемъ томъ такъ мало знаютъ сіе священное имя любви. Не въ шуму свѣта, не въ быстрыхъ танцахъ, не въ великолѣпныхъ чертогахъ — нѣтъ, только въ сердцѣ людей звучитъ сей голосъ, и милая нѣжность его легко заглушается буншующею спраспю.

Зама, Эпвинъ и Эгардъ знали сіи священныя тайнственныя радости, копорыми Божество награждаетъ невинныя сердца. Тихо прошекали дни ихъ, какъ чистые ручьи по полямъ, усѣяннымъ розами, и они никогда не наслаждались радостями жизни такъ, какъ съ

того времени, когда узнали другъ друга.

Но не долго продолжались дни радостей ихъ. Медина, жесточайшій изъ Фецировъ, требовалъ неограниченнаго повиновенія совѣспи, и тысячи невѣрныхъ, какъ онъ называлъ. приносилъ въ жертву своей ярости. Цѣлыя страны были покрыты трупами, и солнце при захожденіи своемъ смопрѣлось въ крови человѣческой. Эгардъ и Эпвинъ рѣшились оставивъ жестокаго, удалились къ Замѣ и молили Божество о пощадѣ людей. Но скоро Медина открылъ убѣжище ихъ и нечаянно захватилъ ихъ. Оросминъ былъ умерщвленъ, Зама посажена въ темницу, а Эгардъ и Эпвинъ, какъ измѣнники, приговорены къ смерти.

Зама лежала на окровавленномъ прупѣ отца своего и горькими слезами омывала кровавыя пятна съ серебряныхъ власовъ его; она прильпилась къ холоднымъ уснамъ его и тщетно старалась возвратишь ему жизнь; чувствованіе дѣтской горести со всею жестокостію терзало сердце ея: но ее оплучили опъ шѣла Оросминова. Гдѣ Эпвинъ? гдѣ милой души моей? сказала она, и въ безсиліи упала на землю, какъ будто бы знала судьбу его.

Пришедъ въ себя, Зама употребляла все, чѣмъ бы пропущъ неумолимаго Медину; но тщетно: онъ не видалъ слезъ, копорыя капились изъ прекрасныхъ глазъ ея, и вздохи, копорые могли бы поколебать каменные горы, ни мало не прогали его. Твердъ и непоколе-

бимъ оставался онъ въ своемъ
 намѣреніи. Жестокой человѣкъ!
 сказала Зама: не уже ли ты ни-
 когда не чувствовалъ силы люб-
 ви? не уже ли сердце твое за-
 ключено для всего благородна-
 го? Какъ могло такъ овладѣть
 тобою свирѣпство? какъ ты
 можешь воображать, что кровь
 человѣческая пріятна Богамъ?
 Посмотри вокругъ себя, взгля-
 ни на прелести Природы: воз-
 вѣщаетъ ли что нибудь въ ней
 смерть и разрушеніе — или
 жизнь и наслажденіе? Не на-
 черпана ли воля Божества на
 каждомъ цвѣточкѣ, радости
 человѣка, а не смерть? Ска-
 жи мнѣ, Медина! не ужь ли ты
 никогда не любишь? не ужь ли
 никогда не вкушалъ радостей
 жизни на груди любезной? Не
 имѣлъ ли ты сына, или дочери? —

При сихъ послѣднихъ словахъ взоръ Медины сдѣлался яснымъ, грудь его поднялась, какъ будто бы онъ хопѣлъ вздохнуть, а лице сіяло кропоснію, подобно голубому небу въ лѣпній вечеръ послѣ сильной бури. Зама примѣшила, что происходило въ душѣ Медины, и хопѣла употребить въ свою пользу сію благопріятную мину.

Человѣчество всегда воспользуется своими правами, и никакое сердце не можетъ быть такъ жестоко, чтобы для него не было минушекъ чувствованій.

Тихая луна проливала серебряный свѣтъ свой сквозь куспарники, кропкіе вѣтерки вѣяли въ миршовой рошѣ, цвѣтны песпрѣли подъ ногами Замы, сладостные аромашы носились

вокругъ нея , и самые листочки нашептывали любовь и нѣжность. Неподалеку отъ сего лѣсочка находился гротъ , построенный Оросминомъ , отцемъ Замы , и названный гротомъ любви. Прежде былъ тутъ одинъ только холмъ , усыянный густыми кустарниками ; розовые кусты росли по сторонамъ его и бросали пріятную тѣнь на проходящихъ. Когда Оросминъ построилъ сей гротъ , то принесъ моливы Богамъ и посвятилъ сей храмъ Природы радостнымъ , блаженнымъ чувствованіямъ человѣческимъ. Съ самаго сего времени не входилъ въ него ни одинъ человѣкъ , не будучи сильно пронутъ ; и еслили всупалъ туда даже самой шигръ , то и онъ перялъ ярость свою и былъ крошокъ , какъ агнецъ.

Медина, вступивъ въ него, объятъ былъ какимъ-то новымъ сладостнымъ чувствомъ; сердце его разширилось, и въ первой разъ чрезъ цѣлыя пятьдесятъ лѣтъ слеза блеснула въ глазахъ его. Успокоимся здѣсь, сказала Зама; посмотри, какъ мѣсяцъ изливаетъ блѣдные лучи сквозь препещущіе листья виноградные, и едва освѣщаетъ эту величественную мрачность. Мягкой дернъ приглашаетъ насъ. Какая пріятная, торжественная тишина! Тихо вѣютъ вѣтерки и дышатъ сладкими ароматами, крошечко журчитъ источникъ! — Руки радости воздвигли эполъ грошъ! — Они сѣли.

Было время, сказалъ Медина, въ которое я былъ не таковъ, какъ теперь; но обманъ вѣроломныхъ друзей и

измѣна жены изгнали всѣ чув-
 ствованія изъ моего сердца и
 прешворили въ камень грудь
 мою. Я любилъ дѣвушку, пре-
 краснѣйшую во всей Азіи; она
 называлась Цефалина. Сердце
 мое было прилѣплено къ ней,
 и моя душа, все существо мое
 было заключено въ ней одной.
 Два года уже вкушали мы бла-
 женство, и она принесла мнѣ
 даръ любви. Съ радостію смо-
 трѣлъ я на возрастающую дѣ-
 вочку, копорую она родила;
 но одна минуша похишила у
 меня жену, дочь и радость.
 Порцина, злодѣй, бывшій вѣр-
 нѣйшимъ другомъ моимъ, из-
 мѣнилъ мнѣ. Цефалина остави-
 ла меня, послѣдовала за симъ
 извергомъ и. . . .

„Оспановись!“ вскричала За-
 ма: „оспановись, Медина! ты
 несправедливъ; Цефалина не

была прошивъ тебя вѣролом-
ною. Она любила тебя по
смерть свою.“

Что ты говоришь? Развѣ
ты знала Цефалину?

„Знала ли я ее? О Медина!
о родишель мой!“

Зама! изъяснись.

„Злобной Порцина похи-
тилъ мать мою прошивъ воли
ея, и продалъ ее и меня Тапа-
рамъ. Оросминъ, воспишашель
мой, купилъ насъ и хопѣлъ
возвратишь тебѣ; но всеобщая
война и гоненія, возникшія отъ
ученія Магомешова, уничтожи-
ли его намѣреніе. Оросминъ дол-
женъ былъ бѣжать; Цефалина
умерла, я осталась одна и про-
вела лѣта юности моей въ сей
странѣ. Оросминъ воспитывалъ
меня какъ дочь свою, и здѣсь
въ этомъ священномъ гробѣ
часто проливала я слезы люб-

ви о неизвѣстномъ мнѣ опцѣ
моемъ. “

Медина прижалъ Заму къ
груди своей, и сердце его сно-
ва открылось для человѣчест-
ва, какъ замерзшій ручей при
восходѣ весенняго солнца. Они
обнимали другъ друга, и чув-
ствовали радость, внушаемую
Природою. Вдругъ вбѣжалъ не-
вольникъ Медины. Попъ лился
со щекъ, ночная роса капала съ
волосъ, дыханіе его было ско-
ро, и безпокойный взоръ воз-
вѣщалъ гибель.

Эшвинъ и Эгардъ, вскри-
чалъ онъ, спаслись изъ темни-
цы! У нихъ есть сообщники, —
спража пала; другіе воины спа-
ли прошивишься имъ, сдѣ-
лался всеобщій мятежъ, подня-
ли оружіе, кровь полилась съ
обѣихъ сторонъ.

При сихъ словахъ Зама безъ чувствъ упала на землю; тѣнь убишаго Эпвина носилась уже въ глазахъ ея; она видѣла трупъ его, лежащій предъ нею въ крови и пыли. Сердце ея сжалось опъ страху; прекрасные волосы ея лежали разсѣяны по бѣлой груди, и слезы трепешали на щекахъ. — Самъ Медина не могъ не заплакать: онъ вздохнулъ и, поднявъ руки къ Небу, молилъ Его, да прекратишь сей бой, за него начавшійся.

Когда Зама пришла въ себя, то Медина послѣдовалъ за невольникомъ; она тихо шла одна, и слушала раздающійся вдали звукъ мечей и шумъ сражающихся. Приближась къ полю сраженія, она трепешала и замирала опъ ужасу при каждомъ слышанномъ ею ударѣ. Ей

казалось, что Эпвинъ зоветъ ее къ себѣ, и она бѣгала вокругъ. Мракъ, покрывавшій землю, разливалъ ужасъ по всѣмъ жилищамъ ея; волосы ея поднялись дыбомъ; она дрожала, ошановилась и прислушивалась съ боязнію сердечною. Все было тихо. Зама вздохнула. О, какъ темно! какое страшное молчаніе! Здѣсь обитаютъ мертвые! — — — Съ робостію спустилась она въ долину и съ шрепешомъ заносила ногу свою далѣе, какъ вдругъ наступила на убишаго. — — Внезапный ужасъ оштолкнулъ ее назадъ.

А, мертвой! вскричала Зама: мертвой; — кто это? — О Боги! кто? — Она шрепешала, возвратилась назадъ, и увидѣла шрупъ, лежащій передъ нею на землѣ. Темнота едва позволяла видѣть, что онъ

Часть II. В

израненъ ; подлѣ него лежалъ мечъ.

Она знала , что Эшвинъ былъ вмѣстѣ съ Эгардомъ. Еще слышенъ былъ вдали спукъ сражающихся , и Зама пререпетала объ участи своего Эшвина.

Кто лежитъ здѣсь? — Спѣши сюда, свѣтило дня, благодѣтельное солнце! дай мнѣ увидѣть сего убитаго! Нѣтъ, нѣтъ, сокрой отъ меня сіе ужасное зрѣлище! Кто другой можетъ быть сей несчастной, какъ не Эшвинъ? Такъ, это онъ; спѣшенное сердце мое, холодной ужасъ, меня обнимающій, страхъ въ груди моей — все, все говоритъ мнѣ, что это Эшвинъ.

Эшвинъ услышалъ голосъ Замы; онъ пробудился отъ сна смершнаго, взглянулъ и — уз-

наль ее. Зама! тихо произнесъ онъ: милая Зама! ты ли эшо? ты ли сошла въ сію спра-ну смерти? Милый Ангелъ! или эшо духъ твой носится вокругъ меня? — Скоро не будешь болѣе Эшвина; позволь мнѣ еще сказать тебѣ, Зама, что я люблю тебя — и умереть.

Зама бросилась къ Эшвину, и слезы, какъ бальзамъ, лились изъ глазъ ея на его раны. Высокой тополь разширялъ вѣтви свои въ сей долину смерти, и подъ нимъ-то глава Эшвина покоилась на груди Замы. Израненная рука его обвилась вокругъ ея шеи, и умирающій взоръ его прилѣпился къ устамъ ея. Медленно текла кровь изъ раны Эшвина на бѣлую одежду, и омочила лилейную руку дѣвицы.

Солнце взошло на горизонтъ; оно ужаснулось опъ сего зрѣлища и сокрыло лице свое въ печальномъ облакѣ.

Я любилъ тебя, сказалъ Эпвинъ; и благодарю боговъ за то щаспіе, Зама, что умираю въ твоихъ объятіяхъ! Милѣе будешь для меня смерть, сладостнѣе этолъ сонъ, Зама... Тамъ, шамъ, мы увидимся опять! — — —

Упадающая рука Эпвина не могла болѣе держашъ слабой головы его; тѣни смертныя помрачили взоры его; онъ упалъ на песокъ; еще одно мгновеніе, одинъ взоръ — — и Эпвина нѣтъ болѣе.

Зама лишилась чувствъ; она проливала слезы и ломала себѣ руки. Ты зовешь меня, Эпвинъ! ты зовешь меня! ска-

зала она , и безъ памяти упала на трупъ Эшвина.

Медина возвратился , и эта сцена наполнила сердце его ужасомъ. Эгардъ , вѣрный другъ Эшвина , палъ на полѣ сраженія , оставался одинъ только Медина , терзаемый печалію; онъ приблизился къ своей дочери. Милая , безцѣнная Зама! сказалъ онъ : переспань плакать и мучиться ; пробудись , дочь моя ! и живи для отца твоего! Пойдемъ , милая моя , предадимъ этоу драгоцѣнный трупъ землѣ ; возрастимъ цвѣты на томъ мѣстѣ , гдѣ онъ будетъ покоиться , и спанемъ орошая ихъ нашими слезами. Такъ угодно было Богу , милая Зама. Если сердце твое можетъ еще имѣть утѣшеніе , то исполни просьбу

опца твоего — отврати взоры свои отъ сего зрѣлища! Не отговаривайся, Зама! пойдемъ со мною! Въ сей страшной доли-нѣ обитають ужасы смерти; пойдемъ, моя милая! Пролей послѣднія слезы на трупъ твоего Эпвина, и поспѣши со мною.

Какъ! сказала Зама: въ этомъ жилищѣ убійствъ, на которое Божество никогда не взираетъ крошккимъ окомъ, здѣсь, между каменныхъ скалъ, гдѣ обитають ужасы, гдѣ пищцы смерти завываютъ страшныя пѣсни — здѣсь долженъ покоиться мой милой Эпвинъ? здѣсь, гдѣ покоится убійца, невольникъ Магометовъ, вмѣстѣ съ нимъ долженъ лежать трупъ его? Нѣтъ! прочь отъ сего позорнаго мѣста! Здѣсь

братья умерщвляли братьевъ ;
 здѣсь другъ падалъ отъ руки
 друга , отецъ отъ руки сына.
 Не здѣсь долженъ покоиться
 мой Эшвинъ , нѣтъ , не здѣсь ! —
 Здѣсь не вырастетъ ни одинъ
 цвѣтокъ на могилѣ его ; здѣсь
 ничто не напомнитъ имени его ,
 ни одинъ странникъ не про-
 льетъ слезы о смерти его : —
 нѣтъ , не здѣсь долженъ по-
 коиться мой Эшвинъ ! Милой
 другъ мой ! я не должна была
 обладать побоемъ въ жизни ; поз-
 воль мнѣ это по крайней мѣрѣ
 послѣ смерти ! — Такъ спенала
 Зама , и прильпилась къ устамъ
 Медины ; слезы лились изъ
 глазъ ея , и препещущія руки
 обвились вокругъ его шеи .

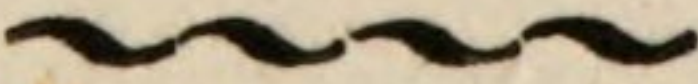
Медина исполнилъ прозьбу
 ея ; трупъ Эшвина опнесли

въ гробъ Замы, и памъ воздвигли холмъ надъ его могилою.

Слезы Замы текли безпрестанно; она убѣгала всякаго утѣшенія и скрывалась въ уединенныхъ кустарникахъ, чшобы никто не прерывалъ слезъ и вздоховъ ея. Такъ протекалъ для Замы одинъ горестной часъ за другимъ, пока наконецъ пришелъ послѣдній ея жизни. Съ разпростертыми объятіями нашли Заму на могилѣ Эшвина. Солнце сокрылось за горизонтъ, когда умерла она, заря вечерняя облекла небо пурпуромъ, мрачныя тѣни покрыли кустарники, и блѣдной свѣтъ луны бросилъ первой лучъ на мертвую Заму. Она лежала на могилѣ, подобно засыпающему Ангелу; роса небесная омочила

лице ея , и розы разцвѣли еще на умирающихъ щекахъ ея.

Медина нашель ея , и опчаяніе обьяло душу его. Онъ оставилъ свое войско и проводилъ дни свои въ семь уединеніи. Восходящее и заходящее солнце видѣло слезы въ глазахъ его , пока наконецъ самъ онъ заснулъ въ могилѣ — какъ несчастная жертва фанатизма.



IV.

ФАТИМЪ и ЭРИЗИНА.

Мрачная ночь простерла по землѣ грозныя крылія свои, и сокрыла предметы въ густую тьму; страшно завывалъ вѣтеръ въ дубравѣ смерти и на уединенномъ кладбищѣ; сова улетала въ могилу, и летучая мышь скрывалась подъ пуспымъ черепомъ, или между костями; ни одинъ человекъ, находившійся подъ какимъ-либо кровомъ, не выходилъ изъ хижины, самой странникъ останавливался подъ господримнымъ дубомъ и ожидалъ разсвѣта; никто не осматривалъ жилища своего, кромѣ Эризины, нѣжнѣйшей изъ всѣхъ

дѣвицъ : она презрѣла всѣ ужа-
сы ночи и смерти, и искала
своего любезнаго, вѣрнаго Фа-
лима.

Въ довольнономъ отдаленіи
оттуда, гдѣ жила она, было
страшное мѣсто, славное тѣмъ
ночнымъ пораженіемъ, которое
земли Ирландіи покрыло тру-
пами. Его называли *Кровавымъ*
полемъ. Черепы и кости по-
крывали его равнины, окружен-
ныя терновыми кустами; ни
одинъ цвѣтокъ не выросъ на
немъ послѣ тѣхъ ужасныхъ
убійствъ, и ни одно дерево,
которое шупъ находилось, не
покрывалось болѣе листьями;
не видно было ничего, кромѣ
голыхъ вершинъ и черныхъ ду-
бовыхъ пней, которыхъ сучья
разраспались въ землѣ, еще
красной отъ крови человѣче-
ской; ночныя птицы сидѣли

на голыхъ вершинахъ и завывали страшныя пѣсни: здѣсь-то ожидалъ Фатимъ свою Эризину; ибо ни въ какомъ другомъ мѣстѣ не лъзя было говорить имъ.

Часъ полуночи былъ часомъ ихъ свиданія. Въ ближней крѣпости ударило двенадцать часовъ, и въпрѣь донесъ сей глухой звукъ въ глубину дубоваго лѣсу; Фатимъ споялъ и ожидалъ уже свою любезную. Онъ не чувствовалъ ужасу; ибо какой поперѣ спрashiшься любовнику, естли не поперѣ милой своей?

Эризина оставила домъ свой и, сопровождаемая одною любовію, среди ужасовъ ночи искала своего Фатима. Какъ Ангелъ блуждала она въ часы полуночи; каждая минута была для нея драгоцѣнна. Фатимъ,

услышавъ тихіе шаги ея, поспѣшилъ къ ней на встрѣчу, и Эризина упала на грудь его.

Прекрасны обѣщанія любви даже при самыхъ ужасныхъ явленіяхъ Природы. Буря переспавала свирѣпствованіе и удивлялась могуществу любви; исчезъ мракъ ночи, и крошкя подруга любовниковъ — милая луна, явилась на небѣ и улыбалась, взирая на кровавое поле.

Здѣсь спрашно, Фашимъ! сказала Эризина: я шепещу ошъ ужаса при каждомъ взорѣ на здѣшнія поля.

Не спрашисъ ничего въ моихъ обѣщаніяхъ, милая Эризина! что можетъ случиться съ побою, когда живъ Фашимъ? Коспи, лежащія вокругъ насъ, суть ошашки несчастныхъ; можетъ бышь, въ сихъ скеле-

Часть II.

Г

тахъ бились сердца, горѣвшія любовью; ихъ духъ, которой невидимо носится надъ нами, приметъ участіе въ нашихъ горестяхъ и защититъ насъ. О Эризина! какъ я щаспливъ, что опять вижу тебя! — Фашимъ обнялъ свою любезную, и они сѣли на пригоркѣ могилы.

Эризина была дочь благороднаго человека. Она жила въ то время, когда жестокой Куэль сдѣлался предводителемъ вѣрующихъ и, изъ ложной ревности къ Вѣрѣ, умерщвлялъ половину согражданъ своихъ. Фашимъ былъ благородной юноша; одинакія чувствованія сердца, одинаковый образъ мыслей въ душѣ соединили его неразрывными узами съ Эризиною; только вѣра ихъ была различна, и это различіе сдѣлало любовь Эризины пресупленіемъ.

Опець ея проклиналъ любовь своей дочери и подкупилъ убійцъ, чшобы найши Фапима и во имя Божества умертвить его.

Три мѣсяца жилъ Фапимъ, скрываясь въ пещерѣ, гдѣ долженъ бы былъ умереть съ голоду, естѣлибъ Эризина не приносила ему по вечерамъ пищи.

Въ семъ-то ужасномъ мѣстѣ, гдѣ обитали ужасы смерти, были ихъ свиданія; только здѣсь можно было имъ видѣться и говорить другъ съ другомъ. Здѣсь часто они сидѣли рука въ руку, и смопрѣли на раздробленные черепы, лежащіе у ногъ ихъ. Здѣсь не розы цвѣли для любовниковъ, шерны и высохшіи проспникъ окружали ихъ; зефиръ не приносилъ на крылахъ своихъ благовоній цвѣшовъ, гніющіе пру-

пы издавали запахъ въ семь жилищъ ужасовъ.

Позволь мнѣ, Эризина! говорилъ Фашимъ: позволь мнѣ быть жертвою судьбы моей, и сохрани драгоцѣнную жизнь твою! Не возможно, милая Эризина! въ семь мѣръ долго любить намъ другъ друга. Какъ спрашусь я эшой минуты! Подумай, милая, на что ты опаживаешься. Съ каждымъ шагомъ, копорой предпринимаешь ты изъ любви къ Фашиму, ты должна опасаться смерти. Ахъ, Эризина! живи — и позволь мнѣ умереть! —

Эризина. Какъ мало знаешь ты любовь, Фашимъ, какъ мало знаешь ея могущество! Когда цвѣтутъ розы, когда зефиры дышатъ ароматами, когда все дѣлается по нашему желанію — тогда, мой милой,

время для радостей, а не для того, чптобы испытываць вѣрность любви. Благодарю Небо за сіи часы; ибо я не могла бы желать лучших, чптобы показала тебѣ, сколь много я люблю тебя!

Фатимъ. Милая дѣвица! я знаю совершенно сердце твое; но не думаешь ли ты, чпто Фатимъ меньше любитъ тебя? О! еспѣлибъ я могъ видѣть тебя щасливою, Эризина! Я несчастливъ, а ты не должна оправдать вмѣстѣ со мною.

Эризина. Щастіе тамъ, гдѣ ты, а несчастіе, гдѣ нѣтъ Фатима. Чпто можешь со мною случиться? не готовали я ко всему? Теперь меня не могутъ разлучить съ тобою; развѣ будущіе открыты наши свиданія, тогда только близокъ часъ нашей разлуки. Съ силою Божь-

ства обниму я тебя моими руками, и ударъ меча, копорой упадешь на тебя, долженъ поразить вмѣстѣ и Эризину; тогда мы улыбнемся — и умремъ. Пусть исполнѣтъ, гдѣ бы ни было, плѣла наши, но души Фашима и Эризины никто не разлучитъ болѣе.

Фашиль. И такъ смерть есть нашъ жребій — смерть вся наша надежда. Безцѣнная дѣвица! для чего я долженъ былъ узнать тебя? Безъ меня ты былабъ щастлива; я причиною твоего несчастія.

Эризина. Несчастія! Что называешь ты несчастіемъ? Смерть, копорая прекращаетъ всѣ наши спраданія. Не оскорбляй такъ эту милую подругу любовниковъ; она одна защищаетъ насъ отъ жестокоуми людей. Что называетъ чело-

вѣкъ ужаснѣйшимъ въ Природѣ? Конецъ страданій своихъ — смерть. Фахимъ! какъ онъ несправедливъ! Посмотри на червя: съ какимъ стараніемъ онъ искапываетъ для себя могилу; теперь онъ зарывается въ пыль, но скоро будетъ гораздо выше.

Фахимъ. Милая! слова твои убѣдительны, какъ слова Ангела.

Фахимъ и Эризина еще долго увѣряли другъ друга во взаимной любви, пока утро прекрашило наконецъ ихъ объятія. Туманы ночные мало помалу разсѣялись, и часъ разлуки ихъ приблизился. Фахимъ покоился на плечѣ своей любезной, его слезы капали на грудь ея; сильно билось сердце Эризинино подлѣ своего милаго — между тѣмъ спановилось яснѣе. Солнце бросило на землю первые

лучи свои и было свидѣтельствомъ ихъ прощанія. Эризина оставила кровавое поле и спѣшила въ домъ свой, а Фашимъ сокрылся опъ преслѣдованій человѣческихъ въ свою пещеру.

Джернисъ былъ братъ Эризины, милой, доброй юноша; сердце его было чувствительное, а любовь, которую онъ питалъ къ сестрѣ своей, не имѣла предѣловъ. Онъ былъ и единственныиъ ея повѣреннымъ; никто кромѣ его не зналъ тайнства любви ея; никто кромѣ его не принималъ участія въ горестяхъ и сраданіяхъ милой дѣвицы; только Джернисъ своими ласками изсушалъ ея слезы. Когда Эризинѣ не лзя было посѣпить Фаши-ма, тогда ходилъ къ нему Джернисъ и приносилъ воду и плоды.

Риноръ , другъ отца Эри-
 зинина, человѣкъ, исполненный
 суевѣрія и упрямства , давно
 уже искалъ руки ея , но былъ
 отъ нея презрѣнъ — мститель-
 ный Риноръ поклялся духомъ
 безчеловѣчія и гнѣва опом-
 стить Эризинъ за презрѣнную
 любовь. Отъ примѣчательныхъ
 взоровъ его не могла укрыться
 никакая тайна ; онъ узналъ о
 любви ея и радовался своему
 открытію и гнусному намѣре-
 нію, которое положилъ въ серд-
 цѣ своемъ.

Мщеніе сладостно , гово-
 рилъ онъ ; только должно ис-
 кусно поступать въ немъ.
 Добросердечные люди, у кото-
 рыхъ въ душѣ нѣтъ ни малѣй-
 шей хитрости, и которые су-
 дятъ обо всякомъ по доброду-
 шеству своему сердцу, часто бывають
 самыми лучшими орудіями, ко-

торыми злоба безопасно можешь пользоваться. Джернисъ, братъ Эризины, кажется сошворень къ тому. Такъ мыслилъ хитрый злодѣй, и такое было начало гнуснаго его поступка.

Случай облегчилъ исполненіе его. Эризина сдѣлалась больна. Джернисъ! сказала она своему брату: сходи къ Фапиму; посѣли его, когда будешь темно, и увѣрь его въ любви моей. — Джернисъ упѣшалъ сестру свою и съ неперпѣніемъ ожидалъ мрачныхъ часовъ ночи. Солнце закапилось, роса покрыла тихія долины, и сонъ закрывалъ глаза всѣмъ живущимъ; только опъ Эризины и Джерниса забота отвергла ароматные цвѣты его и разсыпала терны.

Наступилъ часъ, въ которой Джернису должно было ид-

ши; онъ обнялъ еще сестру свою и тихими шагами удалился изъ дому опеческаго, чтобы поспѣшить къ ея любезному.

Тогда была свѣтлая, лунная ночь; звѣзды сіяли на небѣ, и иней, подобно серебру, покрывалъ поля. Коспи, лежащія на кровавомъ полѣ, блестѣли, какъ будто были покрыты драгоцѣнными камнями, деревья и кустарники возвышались посреди ихъ. Величественна и прекрасна была сія осенняя ночь! Скоро билось сердце Джерниса, когда проходилъ онъ большой лѣсъ и при малѣйшемъ шумѣ въпра трепетала боязливая грудь его. Онъ былъ очень молодъ и воспитанъ въ суевѣріи.

Когда Джернисъ достигъ почти до половины пространнаго кроваваго поля, то вдругъ довольно сильной шумъ пора-

зиль слухъ его; съ боязнію смотрѣлъ онъ вокругъ себя, и увидѣлъ страшное привидѣніе въ полномъ вооруженіи. Отъ страха едва не упалъ онъ на землю, и едва могъ придти въ себя.

Не бойся, Джернисъ! вскричало привидѣніе: я духъ защитникъ здѣшной спраны; ты, доброй юноша, спрашишься боговъ и любишь людей; ты предопредѣленъ къ дѣламъ необыкновеннымъ; ты можешь спасти отъ смерти отца твоего и сестру!

Отъ смерти! вскричалъ Джернисъ прерывающимъ голосомъ.

Да, отъ смерти! продолжалъ духъ: ибо Боги назначили гибель дому вашему: сестра твоя любитъ невѣрнаго, и сею любовію оскорбляетъ Небо. Въ полночный часъ ангелъ испре-

бипель протпрель руку свою надъ Эризиною и опцомъ швоимъ; оба они будутъ жертвою смерти, и никто, кромѣ себя, не можетъ спасти ихъ.

Джернисъ. Я могу спасти ихъ! Сильной духъ! скажи, что долженъ сдѣлать я? Возьми мою жизнь и пощади отца моего и сестру.

Духъ. Боги сохранили тебя для дѣлъ великихъ — ты долженъ жить; но умерши того, кого ненавиждяшь Боги, умерши злобнаго Фапима. Здѣсь, подъ эшимъ кустарникомъ лежишь кинжалъ; вооружись и порази!

Джернисъ. Какъ! я долженъ умертвить Фапима, моего друга? и эшаго хошаяшь Боги? Нѣтъ, Боги не могутъ сего желать; эшо было бы гнусное убійство! — И мнѣ быть убійцею?...

Часть II. Д

Духъ. Развѣ Боги не имѣ-
 ютъ власти надъ жизнью чело-
 вѣческой? Слабый смертный!
 ты не достоинъ сего довѣрія,
 боязливый! Не опнимай жизни
 у Фапима и позабуди должность,
 кошорою обязанъ ты Эризинѣ
 и опцу своему.

Джернисъ. Жестокій духъ!
 для чего Боги сохранили меня
 къ сему? Охотно бы я умеръ,
 охотно былъ бы я сею жерш-
 вою, только оставьте Фапи-
 ма, оставьте Гримаро и Эри-
 зину.

Духъ. Скоро наступитъ
 часъ полночный, минута при-
 ближается; прежде нежели мѣ-
 сяцъ взойдетъ надъ эшимъ хол-
 момъ, жершва должна быть
 совершена: или Фашимъ не дол-
 женъ болѣе жить, или Грима-
 ро, опецъ твой, и Эризина
 должны быть жершвою смерти.

Сказавъ сіе, духъ при
сѣвъ луны удалился въ обшир-
ное поле; съ боязнію слѣдовалъ
за нимъ взоръ Джерниса, пока
наконецъ показалось ему, что
онъ исчезъ между могила и
скрылся въ землю.

Долго еще юноша не могъ
опамятаться; медленно при-
ближался онъ къ кустарнику—
и острый кинжалъ опъ лунна-
го сіянія блисталъ предъ его
взорами. Джернисъ отступилъ
назадъ при семъ орудіи убій-
ства, посмотрѣлъ на него опять,
схватилъ его и снова бросилъ.
Прочь, виновникъ смерти! ска-
залъ онъ: это не возможно;
не Боги послали тебя въ руки
мои; ты сдѣланъ людьми. Тебя
нѣтъ въ Природѣ; а чего нѣтъ
въ Природѣ, то происходитъ
не отъ Боговъ. Духъ, коего
я видѣлъ, былъ злой духъ, ко-

торой блуждаешь еще на полѣ сраженія, пьешь кровь человѣческую и питаешься костями. Прочь отсюда! это былъ обманъ. Фашимъ любовникъ Эризины; я не могу и не осмѣлюсь умертвить его.

Такъ говорилъ Джернисъ и хотѣлъ идти; вдругъ объялъ его ужасъ; мѣсяцъ начиналъ возходить надъ холмомъ, и странной голосъ издали вскричалъ ему: Смерть Эризинѣ и Гримару!

Смерть! кому? Эризинѣ, моей сестрѣ! Гримару, моему отцу! И я — я, можетъ быть, буду ихъ убійцею! — Гдѣкинжалъ? Позволь мнѣ поцѣловать тебя, священный даръ Небесъ! чрезъ тебя могу я спасти мою сестру, моего отца. Такъ, я хочу — помедли, ангелъ испребишель! помедли! — я хо-

чу умертвить! — Тутъ Джер-
нисъ схватилъ кинжалъ и кро-
леблющимися шагами прибли-
жился къ пещерѣ, въ которой
былъ Фашимъ.

Едва онъ вошелъ въ нее,
то увидѣлъ своего друга; раз-
проспершись, лежалъ онъ на
оплнкѣ скалы въ объятіяхъ
сна и кропко улыбался: ибо
сонъ его былъ тихъ и споко-
енъ, какъ сонъ перваго человѣ-
ка. Джернисъ запрепепалъ при
семъ зрѣлищѣ, и слезы поли-
лись по щекамъ его. Боги!
вскричалъ онъ: я не могу, нѣтъ,
я не могу умертвить Фашима;
если угодно вамъ, чтобы
лилась кровь человѣческая, то
укрошите моею праведный
гнѣвъ вашъ: я хочу быть жер-
твою! Сказавъ сіе, Джернисъ
съ бодростію вонзилъ кинжалъ
въ грудь свою.

Фашимъ пробудился отъ крика, и увидѣлъ умирающаго Джерниса у ногъ своихъ. Онъ разсказалъ ему все происшествіе, случившееся съ нимъ на кровавомъ полѣ. Да простиашъ меня Боги! сказалъ онъ: я не хотѣлъ быть вѣроломнымъ противъ моего друга, не хотѣлъ измѣнить Эризинѣ. Сказавъ сіе, склонилъ онъ свою голову на грудь Фашимову, и почувствовалъ приближающуюся смерть.

Съ нетерпѣніемъ ожидала Эризина возвращенія брата своего, но ожидала тщетно; страшно и медленно проходили часы ночи — его не было. Наступило утро, но Джернисъ не возвращался; солнце склонилось за полдень, но Джернисъ не приходилъ еще. Спустился на поля вечеръ, и сердце Эризины забилося сильнѣе. Съ не-

терпѣніемъ ожидала, она ночи, и твердо рѣшилась объяснить сію загадку. Одинъ часъ проходилъ за другимъ, наступила ночь, и она скорыми шагами спремилась уже чрезъ кровавое поле. Вдругъ услышала она шумъ, и привидѣніе предстало предъ ея глазами; громко раздались слова его: Остановись! Фашима твоего нѣтъ болѣе; Боги послали ему смерть отъ руки брата твоего; эта жертва укропила гнѣвъ ихъ. — Эризина опсспунила отъ ужаса, не скоро собрала встревоженные мысли. Кто ты? вскричала она: кто ты?

Я духъ, защитникъ правды сей, опсспововало привидѣніе. — Ты лжешь! сказала Эризина: любовь управляетъ въ мірѣ духовъ, а не убійство. Ты смерщной; ибо и самой оби-

пашель преисподней не спалъ бы такъ поносишь Боговъ. Я люблю Фапима; и есѣли онъ умеръ, то мнѣ нечего шерьашъ болѣе. — Какъ бѣшенная бросилась Эризина на духа, и вонзила въ грудь его кинжалъ, которой съ собою носила. Колоссъ зашатался и упалъ, какъ огромная спашуя, наполняющая звукомъ окрестности.

Слабой духъ! сказала Эризина: духъ, котораго умерщвляетъ женщина! позволь мнѣ сняшь маску твою, и увидѣшь, кто ты? Она открыла лице его, и увидѣла злобнаго Ринора.

Хорошо! вскричала она: рука любви побѣдила злобу. Теперь насталъ часъ, опъ котораго зависитъ моя участь. Я слышу, любовь зоветъ меня; ея голосъ раздается въ душѣ моей! Съ разтрепанными воло-

сами, съ окровавленнымъ въ рукахъ кинжаломъ спѣшила она въ домъ свой, и спала передъ постелею спящаго отца своего. Пробудись! вскричала она: нѣжнѣйшій родитель! посмотри, какъ сильна любовь; посмотри на то, чего еще никто не видалъ, — посмотри на орудіе подлой злобы, на гнуснаго Ринора. Тупѣ Эризина омочила отца своего слезами, крѣпко заключила его въ своихъ объятіяхъ, и сердце ея билось, какъ сердце умирающей.

Гримаро уважилъ прозъбы своей дочери и послѣдовалъ за нею въ пещеру Фапима. Тамъ нашелъ онъ умирающаго своего сына, и въ сердцѣ его пробудилась любовь опеческая. Джернисъ еще дышалъ; онъ благодарилъ Небо за низпосланное

ему щастіе видѣшь отца своего, и просилъ его не сдѣлашь навсегда несчастною Эризину. Гримаро обѣщаль это умирающему Джернису, и юноша тихо закрылъ глаза свои въ объятіяхъ сестры. Ты долженъ бышь теперь сыномъ моимъ, сказалъ Гримаро Фапиму: ты долженъ бышь сыномъ моимъ! Никакой предразсудокъ не разлучишь насъ болѣе! Священны права Природы, и ничто не можетъ бышь Богамъ пріятно, кромѣ любви. Злобной Риноръ укрѣплялъ меня въ моемъ заблужденіи. — Эризина обняла отца своего. Фапимъ плакалъ слезами любви; только смерть добраго брата омрачила горестію дни начинающагося блаженства ихъ. Эризина сама вырыла ему могилу, насадила на ней розъ и фіалокъ, и каждой

вечеръ посѣщала ее вмѣстѣ съ Фапимомъ. Риноръ оспался на кровавомъ полѣ, и самые враны мерзли его внутренностію; только насѣкомые пипались его тѣломъ. Говоряшъ, что даже томъ червь, копорой почилъ его, пожиралъ другихъ червей.

Спустя нѣсколько времени Гримаро съ своею дочерью и Фапимомъ оспавилъ Ирландію и поселился въ спранѣ, гдѣ Небу посвящаютъ любовь, а не убійство и не кровь человѣческую.




~~~~~

V.

ОТЕЦЪ ІОВЪ  
И  
ПАСТОРЪ БРЕМЪ.

**Въ** одномъ маленькомъ город-  
кѣ Швабскаго округа жилъ  
въ Капуцинскомъ монастырѣ  
добросердечной человѣкъ, по  
имени отецъ Іовъ. Происхожде-  
ніе сего человѣка никому не бы-  
ло извѣстно. Онъ часто самъ  
разсказывалъ, что не знаешь  
своихъ родителей; что былъ  
воспитанъ у одного бѣднаго  
сапожника, которой въ самую  
жестокую зиму поднялъ его на  
улицѣ совсѣмъ нагаго; что ему  
было тогда не болѣе прехлѣвъ;  
что этотъ сапожникъ, изъ со-



жалѣнія взялъ его къ себѣ и вскормилъ его. На седьмомъ году пѣлъ онъ на крилосѣ въ ближнемъ монастырѣ, учился Лапинскому языку, велъ себя хорошо и былъ наконецъ принявъ въ Капуцины. —

Во всемъ монастырѣ не было монаха, которой бы не любилъ добраго Іова; пошому что при весьма добромъ сердцѣ имѣлъ онъ умъ и благородный образъ мыслей.

По всей справедливости надлежало поручить сему честному человѣку собирать на монастырь подаяніе, и онъ съ великимъ достоинствомъ исполнялъ эту должность. Вездѣ, гдѣ только подавали ему милосердыню, Іовъ плашилъ за нее въ десять разъ; ибо здѣсь утѣшалъ онъ несчастныхъ, тамъ примирялъ поссорившихся, ны-

Часть II.

Б



нѣ соединялъ супруговъ, живущихъ въ несогласіи, — и такимъ образомъ собиралъ болѣе сокровищъ для души своей, нежели съѣстныхъ припасовъ для бѣднаго своего монастыря.

Часто случалось, что онъ въ упомленіи приходилъ ввечеру на священнической дворъ; пошъ покрывалъ чело его, и изнеможеніе оковывало всѣ его члены. Тупъ садился онъ подъ липою въ свѣтлой лунной вечеръ, разговаривалъ съ дѣтьми того прихода, и внушалъ въ нихъ страхъ къ Богу и любовь къ Государю.

Какую прекрасную сцену представлялъ добрый отецъ, окруженный дѣтьми! Одинъ игралъ его шляпою, другой бородою; всѣ называли его отцомъ Іовомъ и цѣловали; отецъ Іовъ прижималъ ихъ къ своему



сердцу, обращалъ взоры къ  
Опцу всемогущему, и слезы  
любви капились по его ще-  
камъ. —

Болѣе всего старался Іовъ  
поселять въ людяхъ терпимоспъ  
и челоѱколюбіе. Друзья мои!  
говорилъ онъ часто: вы имѣете  
такихъ сосѣдей, копорые ис-  
повѣдуютъ другую вѣру. Ради  
Бога живите съ ними согласно;  
считайте ихъ такими же людъ-  
ми, какъ и вы, считайте ихъ  
своими братьями, и молитесь  
за нихъ Богу! Особливо опли-  
чайтесь благочестивою жизнью  
и дѣятельнымъ челоѱколюбі-  
емъ, и старайтесь увѣрять ихъ  
своими поступками въ свято-  
сти вашей Религіи. Не спорьте  
никогда, какъ скоро сойде-  
тесь вмѣстѣ, потому что въ  
спорахъ всякой хочетъ быть  
правымъ; а это возмущаетъ



умы и ни мало не исправляешъ ихъ : одна любовь есть магнитъ , привлекающій сердца всѣхъ и cadaго. Люперане должны сперва почувствовать къ вамъ почтение, потомъ они станутъ любить васъ , и такимъ образомъ скоро полюбятъ и Религію , которая сдѣлала васъ такими добрыми людьми.

Такъ думалъ отецъ Іовъ , такъ проповѣдывалъ онъ ; но Пасторъ Бремъ , жившій въ одной ближней Пропеспантской деревнѣ , думалъ иначе. Онъ чрезвычайно ненавидѣлъ иновѣрцевъ ; ибо къ несчастію во всякой вѣрѣ есть такіе люди , которые питаютъ великую ненависть къ исповѣдующимъ другія религіи. Пасторъ Бремъ не могъ терпѣть Каполиковъ ; во многихъ проповѣдяхъ своихъ , вмѣсто того , чтобы наста-



влять прихожанъ своихъ въ любви и должностяхъ челоуѣка, онъ внушалъ въ нихъ ненависть къ Каполикамъ; дѣтямъ изображалъ Папу чудовищемъ съ кошечьею головою и съ пигровыми когтями, которое хопѣло будтобы пожрать всѣхъ Пропеспанскихъ дѣтей; Капуцины, говорилъ онъ, всѣ медвѣди, дикіе люди, которые дерутъ съ дѣшей кожу, — и поселилъ такой страхъ между всѣми своими прихожанами, что обыкновенно кричали въ этой деревнѣ, когда хопѣли поспрашивать мальчиковъ: Мальчики! вонъ идетъ Папа! вонъ идетъ сборщикъ!

Отецъ Іовъ зналъ предразсудокъ сего челоуѣка; сердцу его было это очень больно, и онъ часто молился Небесамъ въ душѣ своей, чтобы Богъ по-



сдѣлалъ ему случай поселить въ  
семѣ Паспорѣ лучшія мысли.

Паспоръ Бремъ не былъ бы  
въ самомъ дѣлѣ такимъ злымъ  
человѣкомъ, еспѣли бы не имѣлъ  
эшаго предразсудка, которой  
столько возбуждалъ его про-  
шивъ Каполиковъ. Жена его  
часто говаривала ему: „Любез-  
ный Бремъ! я не знаю, что ты  
за человѣкъ; мнѣ кажется, что  
ненависть твоя къ Каполикамъ  
не имѣетъ никакой основатель-  
ной причины: во всякой Рели-  
гіи еспѣ честные, добродѣ-  
тельные люди.“ Но Бремъ смѣ-  
ялся и поступалъ по преж-  
нему.

Бремъ былъ опцомъ маль-  
чика, прекраснаго какъ Ангелъ;  
Томасъ соспавлялъ всю радость  
его жизни. Однажды, какъ иг-  
ралъ онъ съ дѣтьми въ дерев-  
нѣ, случилось доброму опцу



Іову проходишь черезъ эту деревню.

Онъ едва показался, какъ всѣ мальчики бросили свои игрушки и побѣжали за бѣднымъ Іовомъ. Медвѣдь! медвѣдь! кричали ему со всѣхъ сторонъ. Они бѣжали за нимъ, и бросали грязью и камнями въ бѣднаго монаха. Спокойно шелъ Іовъ своею дорогою, сожалѣлъ о дѣтяхъ, но не проклиналъ ихъ. Тупъ должно было ему проходить черезъ мостъ. Онъ продолжалъ идти, преслѣдуемый ругающимися малюшками, покрытый шиною и грязью; лице его было все въ крови, и слезы текли по щекамъ его. Когда малюшки бѣжали по мосту, то сынъ Пасшора поскользнулся и упалъ въ рѣку. Іовъ видѣлъ это; не медля ни минушны, бросился черезъ мостъ



въ воду и спасъ Томаса опъ смерпи. Тупъ поднялся всеобщій крикъ : Дикой челоуѣкъ выпашиль изъ рѣки Паспорова сына. Половина деревни сбѣжалась , и всѣ кричали : О доброй дикой челоуѣкъ ! Слухъ дошелъ до Паспора Брема. Какъ громомъ пораженъ былъ добрый Опецъ , услышавъ о нещаспїи Томаса ; хопѣлъ бѣжашъ , но шщепно, — безъ силъ упалъ онъ на кресла.

Въ сію минушу вошелъ Опецъ Іовъ въ комнашу Паспора , неся на рукахъ своихъ маленькаго Томаса. Вопъ вамъ сынъ вашъ ! сказалъ онъ : радуйтесъ и благодарите Бога ! — Іовъ хопѣлъ идти назадъ , но Паспоръ оспановиль его. Скажише ради Бога , что съ вами сдѣлалось ? спросиль онъ : кшо васъ шакъ избилъ ? Ваши при-



хожане, отвѣчалъ Іовъ спокойно: они бросали въ меня камнями и грязью, и называли меня медвѣдемъ и дикимъ. Благодарю Бога, что я могъ вывести ихъ изъ заблужденія!

Пасторъ. Чѣмъ долженъ я благодарить васъ?

Іовъ. Ничѣмъ; это былъ долгъ человѣчества. Развѣ вы не сдѣлали бы того же всякому человѣку?

Я спыжусь, отвѣчалъ Пасторъ; и признаюсь въ своей несправедливости. Прости меня, добрый человѣкъ! Тупъ упалъ онъ къ нему на шею, и слезы раскаянія омыли кровь съ лица Іова.

Деревенскіе мальчики также не оставляли Іова и кричали безпрестанно: О доброй, доброй медвѣдь! Каждое слово



поражало сердце Бремово и упре-  
кало его въ безчеловѣчїи.

Супруга Бремова , добрая  
Тереза , прибѣжала и принесла  
вина и бальзаму , чшобы залѣ-  
чишь раны Іова ; со всѣмъ спа-  
раніемъ и любовію пеклась она  
о спасителѣ своего сына.

Опець Іовъ ! сказалъ Па-  
сторъ Бремъ : вы должны ос-  
тапьяся у насъ на нѣсколько  
дней ; я хочу предъ всѣми за-  
гладишь ту несправедливостъ ,  
копорою оскорбилъ человѣче-  
ство. Завтра мы спанемъ тор-  
жествовапъ праздникъ терпи-  
моспи. Такъ сказалъ Пасторъ  
Бремъ , и Іовъ остался на нѣ-  
сколько дней у Пастора.

За день до опшествовїа Іова  
отправляемъ былъ праздникъ  
терпимоспи. Рано по утру  
собрались юноши и дѣвицы подъ



большою липою, осѣнявшею жилище Бремово.

Дѣвицы увѣнчаны были вѣнками изъ цвѣтовъ, и розовыя гирлянды украшали рядъ деревьевъ, идущихъ отъ жилища Бремова до самого луга. Тамъ поставленъ былъ изъ дерну большой жертвенникъ; вокругъ стояли черныя ели и разпространяли священной мракъ на мѣсто, воздвигнутое божеству; тихіе тоны свирѣлей раздавались въ окрестностяхъ, и соловьи пѣли въ ближнихъ кустарникахъ.

Паспоръ Бремъ говорилъ прогательную Рѣчь и предъ всѣми признался въ своей несправедливости. Онъ говорилъ съ жаромъ и силою о братской любви; обнялъ предъ всѣми отца Іова, и просилъ у него прощенья. Іовъ также обнялъ Па-



ещора и далъ ему поцѣлуй мира. Тупъ всѣ запѣли:

Боги небесные! даруйте миръ,  
Миръ всесвященный нашимъ серд-  
цамъ!

Любовь есть счастье здѣсь на землѣ.  
Станемте дружно, братски всѣ  
жить.

По окончаніи торжества пошли къ сполу. Старшіе сей деревни ѣли вмѣстѣ, а послѣ обѣда посажены были три дерева въ память сего праздника. Подъ тѣнію сихъ деревьевъ, сказалъ Паспоръ Бремя: будущъ нѣкогда опдыхать ваши дѣти и размышлять о священнѣйшихъ должностяхъ, — о доброжелательствѣ и человеколюбіи.

Никто не былъ счастливей отца Іова, котораго доброе сердце чувствовало во всей пол-



ношѣ радостѣ сего дня. До полуночи разговаривалъ онъ съ Паспоромъ Бремомъ. Они представляли себѣ прекраснѣйшія сцены человѣческаго благополучія, которыя были бы не въ одномъ воображеніи, естѣли бы большая часть людей знала истинное свое щастіе — любовь.

Каково у васъ вразсужденіи эшаго? спросилъ Паспоръ Бремъ.

*Иовъ.* О другъ мой! очень худо. Весьма немногіе знаютъ, что такое любовь къ ближнему; куда ни посмотришь, вездѣ гоненіе и клевета. Вы не можете ничего сдѣлать, любезный Паспоръ, чего бы вамъ не вмѣнили во зло; все толкуютъ въ худую сторону. Нѣтъ ни снисхожденія, ни довѣренности между людьми; паденіе

**Часть II. Ж**



одного производишь въ другомъ радость; напрошивъ чье нибудь щасіе возбуждаешь въ другомъ ненависть. Однимъ словомъ, я ни мало не вижу, какую пользу принесло человѣчеству столько нынѣ употребительное слово *просвѣщеніе*; мы всѣ еще чада мрака и оставляемъ пошъ чистой свѣтъ, которой возжегъ намъ Христосъ — любовь братскую. Я очень радъ, любезный другъ! что большая часть жизни моей пропекла уже въ семь снранствіи. Заключасъ въ спѣнахъ монастыря, живу я непримѣтно, и часто радуюсь, когда подумаю, что немногіе знаютъ, что я живу на свѣтѣ. Очень неохотно оставляю свою келью, потому что гнашь монаховъ вошло нынѣ также въ моду. Вступя въ это состо-



яніе, мы не можемъ перемѣнить  
нашей судьбы, нашего сана. Во  
всякомъ состояніи есѣь добро-  
дѣтельные люди, и я васъ увѣ-  
ряю, любезный Паспоръ, что  
въ нашемъ монастырѣ есѣь под-  
линно добрые и умные монахи.  
Вы удивляешесь, Господинъ  
Бремъ, что я столь терпѣливо  
сносилъ ругательства отъ дѣ-  
тей въ вашей деревнѣ, когда они  
бросали въ меня камнями и  
грязью. Но, любезный другъ!  
такіе случаи не были для меня  
неожидаемы. Другіе хопя и не  
бросающъ камнями и грязью,  
но поспупки ихъ не менѣе обид-  
ны. Просвѣщенные говорятъ  
обыкновенно: монахи всѣ об-  
манщики, ханжи, и Богъ зна-  
етъ что! Теперь представьте  
себѣ, добрый Паспоръ! каково  
это сносишъ честному человѣ-



ку, которой носишь такое плащье.

Истинно доброе человѣческое сердце ни къ кому не питаетъ ненависти; оно любитъ всякаго человѣка, въ рубищахъ ли онъ, или въ клябукѣ. — Повѣрьте мнѣ, любезный Паспоръ! ваша терпимостъ ничего намъ не поможетъ, естли сердца наши не были прежде исправлены, и естли крошкое чело-вѣколюбіе не ввело насъ въ ея свяпилище.

Одно кажется мнѣ все еще загадкою: я желалъ бы знать, что разумѣетъ свѣтъ подъ именемъ нынѣшняго просвѣщенія. Я не вижу, чтобы въ сердцахъ человѣческомъ было свѣплѣе; — инаго шакъ толкнушь подъ симъ смолянымъ факеломъ просвѣщенія, что пойдетъ кровь. Просвѣщеніе! просвѣщеніе! Все



опровергать — значить просвѣщеніе! преслѣдовать всякаго, кто не отвергаетъ того, что я отвергаю — значить просвѣщеніе! Кто не столь дерзокъ, чтобы пренебрегать всѣ законы, кто привязанъ еще къ своей Религіи, тотъ глупецъ, фанатикъ, защитникъ монаховъ. . . . Къ чему ведетъ все это?

*Бремъ.* Къ заблужденію, любезный отецъ Іовъ!

*Іовъ.* Ваша правда, Господинъ Паспоръ! ибо естлибъ это не вело къ заблужденію, то люди должны бы сдѣлаться личшими; но они спановящаются хуже. — Гордоссть есть всегда первой знакъ глупости; а склонность утверждать свое мнѣніе есть доказательство своенравія: но кто имѣетъ больше гордоссти, какъ не наши



просвѣщители? кто больше  
 своенравія, какъ не они? Я ра-  
 зумѣю подъ эшимъ не испин-  
 ныхъ просвѣщителей, — ибо сіи  
 послѣдніе крошки и снизходи-  
 тельны къ человѣчеству; свѣтъ  
 ихъ разпространяется, какъ  
 свѣтъ солнца; онъ крошко со-  
 грѣваетъ, но не истребляетъ.  
 Я думаю, что Богъ попускаетъ  
 все это для того, чтобы лю-  
 ди внутреннимъ чувствомъ у-  
 знали, что такое есть истин-  
 ное добро. Я Капуцинской мо-  
 нахъ; но вы видите, что я не  
 такъ думаю, какъ многіе про-  
 свѣщители о насъ утвержда-  
 ютъ, а такъ, какъ думаютъ  
 многіе изъ нашихъ. Скажите  
 мнѣ, любезный Пасторъ! до-  
 стоинъ ли презрѣнія монахъ,  
 когда слѣдуетъ правиламъ сво-  
 его Ордена, коимъ поклялся онъ  
 слѣдовать? Конечно нѣтъ! Ор-



день мой велишь мнѣ носить  
эпошъ клубукъ — я ношу его;  
Государство повелѣло мнѣ по-  
виноваться моему Начальнику,  
которой управляетъ мною —  
я повинуюсь; а есѣли пере-  
мѣнишся эпошъ законъ, пере-  
мѣнишся и мое послушаніе. Я  
спараюсь бытъ добрымъ Капу-  
циномъ, и дѣлаюсь имъ, будучи  
добрымъ человекомъ. Не прав-  
да ли эпо? —

*Бремъ.* Совершенная прав-  
да!

*Иовъ.* Вы отдаете мнѣ  
справедливостъ; но предъ су-  
дилищемъ нынѣшняго просвѣще-  
нія не такъ поступаютъ со  
мною: тамъ судятъ по состо-  
янію. Онъ монахъ! говоряшъ,  
и слѣдовательно глупецъ, или  
обманщикъ. Справедливо ли эпо,  
любезный Паспоръ? Вступя въ  
эпошъ орденъ, я не пересталъ



еще быть членомъ Государства Государство дало мнѣ это состояніе, а не самъ я; оно обѣщало мнѣ защиту подъ симъ плащемъ, какъ обѣщаетъ ее солдату подъ знаменемъ, за которымъ онъ слѣдуетъ. Если состояніе, въ которомъ нахожусь, не соответствуетъ соотношеніямъ Государства, то не я виноватъ: я никогда не перестану быть членомъ опечества, и опечество никогда не можетъ лишитъ меня своей защиты. Государство составлено изъ состояній, всякое состояніе имѣетъ свои обязанности, и тотъ, кто исполняетъ ихъ, ни мало не достоинъ презрѣнія.

*Бремъ.* Вы говорите основательно и убѣдительно.

*Юевъ.* Такъ вамъ кажется, любезный мой Паспоръ! но не



всякому. Слова мои справедливы, но ихъ назовушъ ложью; еспѣлижъ слова эши будушъ сказаны свѣпскимъ человѣкомъ, то большая часть людей спашъ называшъ его ханжею и покровителемъ монаховъ: — между тѣмъ онъ еспѣ истинной защитникъ человѣческа.

*Бремъ.* Къ сожалѣнію, все это правда. Но скажите, любезный другъ! какіе пущи считаете вы самыми надежными къ достиженію терпимости?

*Іовъ.* Пущи Евангелія, любезный Пасторъ! Люби ближняго своего, какъ самаго себя: вотъ первое основаніе для терпимости. Любишь Бога, вѣрно слѣдовашъ Его законамъ, считашъ всякаго человѣка своимъ братомъ, преслѣдовашъ предразсудки, а не человѣка, убѣждашъ всякаго добрыми дѣлами



и любовію, — вошъ истинные  
пути къ терпимости! Нѣтъ  
другихъ путей. Духъ гоненія  
не живетъ въ добромъ сердцѣ,  
потому что прошивенъ духу  
любви. Ругательства и од-  
нѣ слова не могутъ исправить;  
только дѣятельная любовь къ  
ближнему исправляетъ и убѣж-  
даетъ. Но заря уже занимае-  
ся, любезный Паспоръ! мнѣ  
должно васъ оставить.

Іовъ и Бремъ простились;  
пожатіе руки другъ у друга и  
навернувшіяся у нихъ слезы об-  
легчили ихъ разлуку.

Іовъ возвратился въ мона-  
стырь и съ великою радостію  
принялъ отъ Гвардіана. Но  
случившаяся съ нимъ исторія  
была уже извѣстна въ монасты-  
рѣ, и нѣкоторые монахи (ибо  
образъ мыслей не одинаковъ у  
людей) роптали на поступокъ



Іова, и осуждали его, что онъ такъ долго пробылъ у Паспора. Это соблазнъ, говорили они. Между сими недовольными опецъ Валенпинъ былъ первой, которой безпрестанно ропшалъ, и наконецъ довелъ до того сѣдѣло, что Гвардіанъ принужденъ былъ позвать къ себѣ опца Іова.

Іовъ предспалъ съ видомъ такого чловѣка, которому не въ чѣмъ было укорять себя. Гвардіанъ взглянулъ на него, и слезы покапились по его щекамъ. Я понимаю васъ, сказалъ Іовъ, и бросился къ его ногамъ; для возстановленія спокойствія въ монастырѣ я долженъ былъ наказанъ. Произнесите мнѣ приговоръ свой, я знаю ваше сердце, но произнесите вы; я безъ ропота повинуюсь вашему приказанію. Гвардіанъ



милоспиво поднялъ отца Іова и плакалъ. Пусть я буду заключенъ на три дни и стану поспишься, сказалъ Іовъ: отецъ Валеншинъ будетъ доволенъ; я стану молишь Бога, чшобы Онъ просвѣшилъ его сердце, и чшобы отецъ Валеншинъ могъ увидѣшь, что я не посшущилъ несправедливо. Сступай съ миромъ, сказалъ Гвардіанъ, и прими благословеніе отъ меня.

Черезъ три дни въ монастырѣ все спало опять спокойно ; на четшвертой день рано по утру вошелъ отецъ Валеншинъ въ келью Іова, и проливалъ горькія слезы раскаянія. Прости мнѣ, любезной братъ! сказалъ онъ : я былъ причиною твоего наказанія ; но теперь увидѣлъ свою несправедливосшь. Тотъ самой Паспоръ Бремъ, у котораго ты былъ, въ прош-



лую ночь спасъ моимъ родителемъ. Съ опасностію своей жизни бросился онъ въ ихъ пылающій домъ, и спасъ самое лучшее изъ ихъ имѣнія. Спраніемъ его огонь былъ потушенъ, и цѣлой рынокъ избавленъ отъ угрожающаго нещастія. Прочши это письмо. Какъ я жалѣю, что былъ такъ несправедливъ! — Іовъ крошко улыбнулся, обнялъ его и назвалъ своимъ братомъ. Цѣлой монастырь радовался такому благородному поступку. . . . Гвардіанъ пригласилъ однажды Пастора Брема къ себѣ, и они праздновали маленькое торжество челоѣколюбія. Милосиво взирало Божество на сихъ благородномыслящихъ. Почтенной дряхлой старецъ, коего бѣлоснѣжная борода проспиралась до пояса, проливалъ сле-



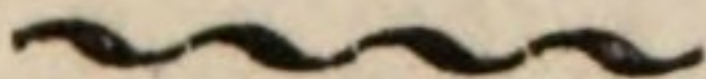
зы радости при семъ торже-  
спѣвѣ, и записалъ этотъ день  
какъ самый прекраснѣйшій въ  
своей жизни.

Святое человеколюбіе! ка-  
ждой день изгоняюшь тебя изъ  
чершоговъ великолѣпныхъ; но  
еще воздвигается для тебя жер-  
твенникъ въ уединенной хижи-  
нѣ и въ мрачной пустынѣ мо-  
наховъ! Самыя лучшія сердца  
блуждаютъ иногда въ тем-  
ныхъ переходахъ; но при сла-  
бомъ свѣтѣ лампы, въ часы  
полуночи, когда блѣдная луна  
освѣщаетъ надгробные камни  
кладбища — иная добрая душа  
молился Богу о истинномъ бла-  
гѣ человѣчества.

Іовъ жилъ долго; онъ былъ  
украшеніемъ своего монастыря  
и умеръ оплакиваемый всѣми



добродѣтельными людьми. Могила его часто была посѣщаема, и чувствительное сердце роняло слезу въ память добродѣтельнаго. Кто зналъ испорію Іова, часто бродилъ въ темную ночь въ уединенныхъ мѣстахъ монастырскихъ, когда мракъ скрывалъ храмъ, и деревянной крестъ въ ужасающемъ величествѣ изображалъ колоссальной свой образъ въ черной тѣни.





## VI.

### КАРЛЪ БЛИТЕНГЕЙМЪ,

и л и

прилибръ благодарности,  
какая въ нынѣшнее время  
не въ модѣ.

**Г**орестно представить себѣ,  
что духъ гоненія господ-  
ствуетъ въ большей части сер-  
дце, нежели духъ любви. Ког-  
да несчастіе угрожаетъ человѣ-  
ку, гдѣ найдетъ онъ друга,  
которой принялъ бы участіе въ  
его печали? гдѣ найдетъ руку,  
которая охотно простерлась  
бы къ злополучному? гдѣ най-  
детъ сердце, у котораго огор-  
ченной человѣкъ могъ бы успѣ-



койсья? Кто отворишь хижину для принятія гонимаго? кто прольешь слезы состраданія съ несчастнымъ? Хотя Христоусъ всегда внушалъ человеколюбіе; хотя всякой, живущій на землѣ, можетъ увѣришья, что истинное щастіе человѣческаго естъ только любовь братская: но не смотря на все это, всегда бѣгутъ сего чада Божества, и предаются сыну мрака — духу гоненія.

Не знаю, какое сѣмя гнусности лежитъ въ сердцѣ человѣческомъ, побуждающее гнать себѣ подобнаго? Каждой случай унизитъ своего ближняго дорогомъ намъ; каждой часъ пріятель, въ которой несчастіе угрожаетъ нашему брату, или слезы падаютъ изъ глазъ его, и злое сердце наше находитъ столько извиненій въ сво-



ей злости! Я чувствую въ себѣ священное побужденіе защищать нарушенныя права человѣчества, и охотно желалъ бы пославить всякаго изъ моихъ братьевъ въ томъ достоинствѣ, которое даровало ему Божество.

По моему мнѣнію, всякой, кто носитъ на себѣ образъ Вѣчнаго, братъ мнѣ. — Я не знаю свѣтскаго моднаго тона, не знаю различія въ плащяхъ; всякой человѣкъ есть для меня человѣкъ и мой ближній. Я для того говорю это, что хочу рассказать исторію и примѣръ такой благодарности, какой нынѣ нѣтъ въ модѣ.

Какъ пишу я за права человѣчества, то не и забочусь, какіе обороты могутъ дать люди этой исторіи. Тонъ моихъ словъ и мое доброхотство



ко всякому человѣку должны оправдать меня въ глазахъ благороднаго, есѣлибы недостоинной и захопѣлъ представишь это съ худой стороны. — Предъ судилищемъ человѣковъ самое лучшее намѣреніе бываетъ иногда опровергнуто; но оно не будетъ опровергнуто предъ Судіею всѣхъ человѣковъ и другомъ истины.

Въ тѣ времена, когда Езуиты учили еще въ публичныхъ школахъ, жилъ въ Н. въ Германіи одинъ достойной человѣкъ при Училищѣ. Онъ назывался опцомъ Эбергардомъ и былъ Учительемъ Философіи. Графъ Блипенгеймъ, честный Дворянинъ, пославъ въ Академію сына своего, копорой подавалъ о себѣ великую надежду, препоручилъ его попеченіямъ Эбергарда. — Карломъ



назывался молодой Блиштенгеймъ и имѣлъ благородный образъ мыслей. Между тѣмъ, какъ другіе молодые люди были легкомысленны и разпутны, Карлъ былъ прилѣженъ и опличался своимъ нравомъ. Отецъ Эбергардъ употреблялъ всевозможное попеченіе о семъ юношѣ, и старался сдѣлать его добрымъ человѣкомъ и полезнымъ гражданиномъ. Онъ не спалъ цѣлыя ночи и думалъ о различныхъ средствахъ сдѣлать для сего юноши Науки легкими и понятными.

Блиштенгеймъ слѣдовалъ во всемъ съ величайшею почтностію своему Профессору; ибо онъ чувствовалъ, что Эбергардъ велъ его къ добродѣтели и истинному щастію. —

Нѣкоторые молодые люди жолко шутили надъ добрымъ



Блишенгеймомъ , осмѣивали его и ругались надъ нимъ. Блишенгеймъ часно плакалъ опъ нихъ и былъ увѣренъ въ своемъ сердцѣ , что Профессоръ Эберггардъ не давалъ ему никакихъ вредныхъ наставленій , напротивъ поучалъ его добродѣтели , честности , и часно просилъ его быть вѣрнымъ своей Религіи и никогда не предаваться вольнодумству. Повѣрьте мнѣ , любезной Карлъ ! часно говаривалъ Эберггардъ Блишенгейму : вы нигдѣ не найдете спокойствія и щастія , есѣли не будете свято почитать Религію отцовъ своихъ. Посмотрите только на разпутныхъ юнощей , удалившихся опъ сихъ правилъ ; найдете ли ихъ , любезной Карлъ ! добрыми людьми ? — Конечно нѣтъ , опвѣчалъ Блишенгеймъ , и внима-



пелъно устремлялъ глаза свои на уста Учителя.

Однажды пошелъ Блипенгеймъ съ Профессоромъ своимъ Эбергардомъ прогуливаться. Карлъ примѣпилъ одного молодого человека, печально сидящаго подъ деревомъ и погруженнаго въ задумчивость. Какое несчастіе случилось съ этимъ молодымъ человекомъ? сказалъ Блипенгеймъ: онъ такъ унылъ, такъ печаленъ! — Этого человѣкъ очень бѣденъ, отвѣчалъ Эбергардъ: онъ имѣетъ хорошія способности, но умеръ бы съ голоду, если бы я не выпросилъ ему у нашего Ректора позволенія имѣть съ нами споль. Опъ небольшого своего достатка иногда и я что нибудь удѣлялъ ему, чтобы онъ по крайней мѣрѣ могъ пристойно одѣ-



вапсья. Я сердечно желалъ бы, чѣшбы кто нибудь помогъ ему. — Я напишу къ моимъ родителѣмъ, продолжалъ Блипенгеймъ, и спану просить ихъ, чѣшбъ они позволили ему быть при мнѣ репешипоромъ. — Они сдѣлають доброе дѣло для чело-вѣчеспва, сказалъ Профессоръ Эбергардъ. Блипенгеймъ подошелъ къ бѣдному Студенту, ушѣшалъ его и далъ ему нѣсколько денегъ.

Черезъ нѣсколько дней съ великою радостію прибѣжалъ Блипенгеймъ къ своему Профессору, и показалъ ему письмо отъ родителей и позволеніе взять къ себѣ эшаго бѣднаго Студента. Никто не былъ щаспливѣе Карла, — потому что дѣлалъ добро было для него радостію. Сперберъ — такъ назывался эшотъ Студентъ —



перешелъ жить къ Блишенгейму, и Блишенгеймъ поступалъ съ нимъ, какъ съ своимъ другомъ. Я буду любить тебя, какъ брата, говорилъ онъ: потому что ты мнѣ подарокъ отъ Эбергарда, подарокъ, кошорой вѣчно будетъ для меня любезенъ! Сперберъ былъ теперь обезпеченъ, и щаспіемъ своимъ одолженъ доброму Профессору Эбергарду.

Академическіе годы кончились, и Блишенгеймъ долженъ былъ оставить Университетъ. Слезы благодарности пролилъ онъ при своемъ прощаніи. Профессоръ Эбергардъ съ горячностью прижалъ его къ своему сердцу и сказалъ ему: „Любезной молодой человѣкъ! ты принеси мнѣ истинную радость; будь вѣренъ шѣмъ правиламъ, кошорыя слышалъ отъ меня, и



я сдѣлаю чрезъ тебя многихъ людей щасливыми. — Сперберъ простился также, но прощаніе его было очень холодно.

Есть люди, которые, будучи въ несчастіи, ползаютъ во прахъ; но когда перемѣняются ихъ обстоятельства, то перемѣняется и характеръ ихъ: они дѣлаются гордыми и нестерпимыми. Человѣкъ, который можешь переносить щастіе, великодушнѣе, нежели тотъ, который можешь терпѣть несчастіе. Молодой Сперберъ скоро возгордился въ щастіи и забылъ того совершенно, кому одолженъ былъ онимъ. —

Блипенгеймъ, сердечно любившій Спербера, осыпалъ его благодареніями; онъ думалъ, что

Часть II.

И

Bayerische  
Staatsbibliothek  
München



оказываетъ услуги своему Профессору Эбергарду, когда дѣлаетъ добро Сперберу.

Чрезъ стараніе Блишентейма и его родителей Сперберъ получилъ важное мѣсто. Съ возвышеніемъ Спербера увеличилась гордосць его: онъ былъ жестокъ, гордъ, безчеловѣченъ; каковъ былъ модной шонъ, таковъ былъ и его шонъ; кого преслѣдовали время и обстоятельство, того преслѣдовалъ и онъ; почему и былъ явной врагъ Іезуитовъ, копорыхъ орденъ въ это самое время былъ уничтоженъ. Хотя онъ одолженъ былъ всѣмъ своимъ щаспіемъ Профессору Эбергарду, но забылъ всю любовь, какую оказывалъ ему сей доброй человекъ.



Х о т я неблагодарность  
 есть самый пошлѣйшій изъ  
 всѣхъ пороковъ, однакожь и  
 самый обыкновенный: это со-  
 образуется съ свѣтскимъ по-  
 номъ и основывается на нашей  
 гордоспи. Неблагодарность  
 есть изчадіе гордоспи, первой  
 губительницы чловѣковъ.

Карлъ Блишенгеймъ былъ  
 въ это время въ деревнѣ; съ  
 самага опъѣзда своего не по-  
 лучалъ онъ, не смотря на час-  
 тыя свои письма, ни одной  
 строки отъ Профессора Эбер-  
 гарда, ни одной буквы отъ дру-  
 га своего Спербера. Блишен-  
 геймъ посылалъ всѣ письма къ  
 Профессору Эбергарду въ пись-  
 махъ друга своего Спербера,  
 которой не отвѣчалъ ни на од-  
 но изъ нихъ; ибо Сперберъ,  
 счиная себя великимъ умомъ,



смѣялся надъ добрымъ Блишентеймомъ, называя его слабою, предразсудковъ исполненною головою.

Понятія о великомъ умѣ подлинно очень удивительны въ человѣчествѣ. Я зналъ великихъ умовъ, которые были такъ велики, что чувство челоуѣчества имѣло такое же дѣйствіе на ихъ сердце, какъ на каменную гору; — между ними былъ и Сперберъ.

Булла уничтоженія общества Іезуитскаго была обнародована; по случаю Сперберъ назначенъ былъ объявить въ швейцаріи, въ которой онъ жилъ, членамъ этого общества о распусценіи ихъ. Всякой бы подумалъ, что Сперберъ исполнилъ эту должность съ до-



споинспвомъ такого человѣка, какого она требовала; но Сперберъ нарушилъ свяпость даннаго ему препорученія и поступалъ съ несчастными съ крайнею жестокостію. Чѣмъ непріятнѣе какое нибудь Судейское порученіе, тѣмъ кропче и любезнѣе долженъ бытъ топъ, копорой производишь его въ дѣйствіе. Несчастныхъ не должно никогда дѣлать несчастнѣе, и бѣднымъ никогда не должно давая чувствоватъ тягостъ ихъ бѣдности. Облегчая всякое бремя, подавляющее нашего ближняго, есть долгъ человѣчества, и еспъли мы не можемъ помочь, по крайней мѣрѣ можемъ утѣшить.

Топъ не знаетъ, какъ чувствителенъ человѣкъ въ не-



щасіи, кто не испыталъ онаго самъ на себѣ. Косой взглядъ, двусмысленное слово есть смерть для спраждущей души, — такъ какъ доброе слово, крошкѣйшій взоръ есть бальзамъ для горестнаго сердца. — Да будетъ проклятіе челоуѣчества на шомъ жестокосердомъ, кошорой имѣетъ во власти своей эшомъ бальзамъ, но отвергаетъ его, и изливаетъ ядъ въ сердце спраждущаго! Но къ чему послужатъ слова мои? — Иные назовутъ ихъ Капуцинствомъ, другіе излишнею чувствительностію; только сердце добродѣтельнаго дорога цѣнитъ ихъ, потому что въ нихъ слышится ему гласъ Природы, гласъ челоуѣчества и печать Религіи. —

На порогъ своего жилища приняли почтенныя ошцы су-



дію свѣдо. Съ опкрытою головою они стояли вокругъ его, и съ благоговѣніемъ ожидали своего приговора изъ успѣ Спербера.

Сперберъ гордо посматривалъ вокругъ себя; — ни серебряныя сѣдины спарцевъ, ни почтенныя лѣта не трогали его. — Съ опкрытыми головами заспавлялъ онъ цѣлые часы споятъ передъ собою пѣхъ, копорые заслуживали лучшее обхожденіе. Взоръ его изображалъ гордостъ, а презрительная улыбка внутреннюю радостъ о злополучіи другихъ. Слезы блиспали въ глазахъ добродѣтельнаго, — и Сперберово предразсудковъ исполненное сердце насыщалось каплящими слезами, копорыя всякой другой челоѣкъ осушилъ бы.



Иной помня, что былъ Сперберъ и что для него сдѣлалъ Профессоръ Эбергардъ, восклицалъ къ небу: *Ахъ! этаго не заслужили мы отъ Спербера!*

Никому не былъ такъ тяжокъ поступокъ сей, какъ честному Эбергарду, которой также случился при этой сценѣ. Онъ не могъ снести гордости Спербера, удалился и зашелъ далеко въ сосѣдственный лѣсъ. Тамъ разсказалъ онъ развалившемуся дубу, что угнетало его сердце, и казалось, будто развалившійся дубъ принималъ участіе въ его печали: вѣтеръ нагнулъ къ землѣ крѣпкія вѣтви его, какъ будто бы хотѣли онѣ преклониться предъ сѣдинами спарца, и печально шумѣли листья, какъ будто вздыхали вмѣстѣ съ не-



щастнымъ Эбергардомъ о б ъ  
ужасной неблагодарности Спер-  
бера,

Не знаю, какъ случилось,  
что отецъ Эбергардъ сдѣлался  
совершенно несчастливъ. Когда  
онъ не могъ уже быть Профес-  
соромъ, то Сперберъ сдѣлалъ  
такъ, что Эбергардъ оспал-  
ся безъ всякаго жалованья и  
былъ совершенно забытъ.

Между тѣмъ, какъ все  
это происходило, Блипенгеймъ  
возвратился изъ деревни. Пер-  
вая дорога его, вышедъ изъ  
почтовой коляски, была въ жи-  
лище своего друга Спербера;  
тамъ спросилъ онъ тотчасъ о  
добромъ Профессорѣ Эбергардѣ.

Мнѣ должно бы упрекать  
тебя, любезной Сперберъ, ска-



залъ онъ : сполько писемъ , и ни одного отвѣта ! — Не уже ли Блипенгеймъ не другъ тебѣ ?

Сперберъ. Клянусь тебѣ , я не получалъ ни одной спрочки !

Блипенгеймъ. Да еспьлибы это и шакъ было ! Но не уже ли Блипенгеймъ шакъ мало для тебя значишь , что ты не захошѣлъ объ немъ освѣдомиться ?

Сперберъ улыбнулся насмѣшливо ; Блипенгеймъ посмотрѣлъ ему въ глаза , и открылъ въ нихъ неблагодарность и гнусность.

Благодареніе Провидѣнію , что глаза суть зеркало души ! Напрасно злодѣй скрываетъ черное сердце свое ; слово злость



ясно написано въ его взорахъ. Съ глубокою задумчивостію оставилъ Блишенгеймъ злаго Спербера, и пошелъ искашь разсѣянія и прогулки.

Когда онъ бродилъ за городомъ, погрузясь въ мысли, то одна старуха прервала его размышленія. Доброй господинъ! сказала она: не прогнѣвайшесь, что я помѣшала вамъ! Вы кажешесь такъ добры, и не взыщете на мнѣ эшаго.

*Блишенгеймъ.* Добрая старушка! чѣмъ могу я помочь тебѣ?

*Старуха.* Купите у меня нѣсколько рисунковъ; мнѣ надобно имѣть что нибудь на хлѣбъ; я очень бѣдна.



Блитенгеймъ. Покажи; они хороши. Кто тебѣ далъ ихъ?

Старуха. Бѣдной сынъ мой. Онъ ничего болѣе не можетъ мнѣ дать, потому что самъ бѣднѣ всякаго; онъ кормишь и бѣдную мать свою этою работою.

Блитенгеймъ. Кто же твой сынъ, любезная старушка?

Старуха. Его зовутъ опцомъ Эбергардомъ; онъ былъ нѣкогда въ монастырѣ — и —

Эбергардъ! вскричалъ Блитенгеймъ, и обнялъ старуху при семъ имени. — Скажи, гдѣ онъ? Поведи меня, чтобы я могъ заключить его въ мои объятія!



Старуха повела Блишентгейма обратно въ городъ, и онъ нашелъ Профессора своего Эбергарда въ очень худомъ жилищѣ. Блишентгеймъ отворилъ дверь; съ распроспертыми объятіями спѣшилъ онъ къ почтенному с т а р ц у, которой отъ удивленія едва могъ опр-мниться.

*Эберъ.* Кто вы?

*Блишентгеймъ.* Кто я, любезный отецъ? Какъ! ты не знаешь своего ученика, своего Блишентгейма — не знаешь того, который всякой часъ въ своей жизни думалъ о тебѣ, которой оплакивалъ тебя, какъ мертваго, потому что долго не получалъ никакого о тебѣ извѣстія? — Кто теперь щасливѣе меня, когда я нашелъ

*Часть II. I*



тебя опять? Я прижму тебя къ моему сердцу, и ничто уже не испортитъ тебя изъ моихъ объятий! —

Слезы чувствительности опьяляли голосъ у разспроеннаго Блишенгейма, и Эберггардъ долго не могъ говорить отъ радости. Какъ! сказалъ онъ наконецъ: вы помните обо мнѣ, любезный Карлъ? Я думалъ, что вы меня давно уже забыли.

*Блишенгеймъ.* Я забылъ тебя, я, одолженный тебѣ щастіемъ моей жизни! — Кто далъ мнѣ правила, сославляющія довольствіе души моей? Не ты ли? — — И мнѣ забыть тебя! какимъ чудовищемъ долженъ бы я быть!

*Эберггардъ.* Доброй человѣкъ! — Ахъ! что станешь



говоришь о васъ свѣтъ! — Я  
ничто иное, какъ изгнанникъ.

*Блитенгеймъ.* Пусть свѣтъ  
говоришь, что хочешь; го-  
лось моего сердца для меня  
важнѣе: онъ говоришь мнѣ, что  
ты мой учишель, и что я  
долженъ быть тебѣ благода-  
ренъ. Ты бѣдной изгнанникъ,  
говоришь ты! — Нѣтъ! —  
твой орденъ уничиженъ, но  
священные узы должности не  
прерваны; ты все мой другъ,  
все мой благодаритель! Такой  
предразсудокъ не для моего  
сердца. Я покажу свѣту, что  
люблю тебя вопреки всѣмъ пред-  
разсудкамъ. Ты, отецъ Эбер-  
гардъ! мой учишель, а я твой  
воспитанникъ; связь между на-  
ми никогда не прервется. Что  
я знаю, знаю о тебѣ, и не  
ссыжусь признайся цѣлому



свѣту, чѣмъ я одолженъ твоимъ стараніямъ.

*Эбергардъ.* Любезный Блишенгеймъ! вы имѣете доброе сердце, но подвергаете себя жестокому поношенію. Свѣтъ не такъ думаетъ, какъ вы!

*Блишенгеймъ.* Свѣтъ! — пусть свѣтъ будетъ свѣтомъ, любезный спарецъ! Лучше подвергаться порицанію свѣта, нежели порицанію Того, Который управляетъ сердцами. Мой образъ мыслей открытъ, какъ день — и только бы сердце мое одобряло какойнибудь поступокъ, то пусть свѣтъ поноситъ его!

*Эбергардъ* хотѣлъ много говорить еще, но Блишенгеймъ не далъ ему времени. Нанятая



карета стояла у воротъ, и Эбергардъ отвезенъ съ бѣдною своею матерью въ домъ Блипенгейма. Тамъ кормилъ онъ ихъ обоихъ и употреблялъ всѣ свои старанія, чшобы доброй опецъ Эбергардъ позабылъ ту несправедливостъ, которую оказалъ ему безчувственной Сперберъ.

Эбергардъ недолго прожилъ; онъ умеръ въ объятіяхъ Блипенгейма и, при послѣднемъ концѣ своемъ, поручилъ ему бѣдную свою мать.

Блипенгеймъ оплакалъ эшаго человека, и положилъ тѣло его въ могилу покойнаго опца своего съ сею надписью:

*Въ сей могилѣ  
покоятся кости отцовъ моихъ.*



Блистенгеймъ далъ мнѣ жизнь,  
а Эбергардъ научилъ меня на-  
слаждаться ею.

Долгъ требуетъ, чтобы прахъ  
обоихъ

заклучался въ одной урнѣ,  
которая вѣчно будетъ священна  
для того,  
кто ее поставилъ.

Когда Эбергардъ скончал-  
ся, и разпростертое тѣло его  
лежало на смертномъ одрѣ,  
Блистенгеймъ пригласилъ къ себѣ  
Совѣтника Спербера подъ пред-  
логомъ, будто имѣетъ нужду  
поговорить съ нимъ о важномъ  
дѣлѣ.

Сперберъ явился. Блистен-  
геймъ повелъ его въ эту ком-  
нату, и вдругъ снялъ покрыва-  
ло съ блѣднаго Эбергарда.  
Посмотри, сказалъ онъ, посмо-



три на блѣдной образъ твоего  
 благодарителя! Его нѣтъ болѣе;  
 страданія его кончились. Ни  
 одна слеза не кашился изъ  
 неподвижныхъ глазъ его; ни  
 одинъ вздохъ не поднимается  
 холодной груди его. Несчаст-  
 ный! какъ можешь ты загла-  
 дишь всѣ оскорбленія, копо-  
 рыя ты нанесъ ему? Проливай  
 рѣки слезъ, и ты не размяг-  
 чишь окоспенѣлыхъ его чле-  
 новъ; осыпай его поцѣлу-  
 ями, и ты не опогрѣешь хо-  
 лодныхъ устъ его! Чело-  
 вѣкъ! за чѣмъ забываешь, что  
 ты человѣкъ? Не уже ли Богъ  
 для того оживотворилъ горсть  
 пыли, которую въ себѣ носишь,  
 чтобы ты сдѣлался язвою сво-  
 его брата? — Такъ и твои  
 глаза померкнушъ, шакъ и  
 твои уста охладѣютъ; тогда,



когда духъ твой оставишь эту оболочку, остановись и посмотри, что ты значилъ, и помысли о ничтожествѣ твоего существованія!

Сперберъ стоялъ пристыженной, и слезы навернулись у него на глазахъ. Проливай эти слезы, продолжалъ Блишенгеймъ: онѣ дѣлають честь человѣчеству. Повѣрь мнѣ, Сперберъ! мы всѣ люди; плащье не дѣлаешь человѣкомъ. Мы всѣ вступаемъ на свѣтъ нагими, и оставляемъ его нагими; всѣ — Государь и невольникъ, свѣтской и монахъ, черной кафтанъ и монашескій клубукъ, Докторская шапка и корона, діадима Персіанца и чалма Турки — все останется здѣсь, когда кончится маскарадъ



этой жизни. А когда Судья спроситъ у насъ по ту сторону гроба : для чего вы преслѣдовали вашего брата ? то это не будетъ намъ извиненіемъ , когда скажемъ : онъ носилъ монашескую рясу , или Турецкую повязку. Молчи, безстыдный ! скажетъ Судья : плащъ далъ ему міръ , но образъ Мойдѣлалъ его извѣстнымъ , не смотря на это плащъ. Онъ былъ человѣкъ и братъ тебѣ ; скажи , за что ты ненавидѣлъ его ? для чего оскорбилъ образъ Мой ? — —

Сперберъ былъ пронутъ ; печально удалился онъ , и жестокая горестъ терзала его сердце.

О вы , человѣки , всегда преслѣдующіе и ненавидящіе



другъ друга! есѣли бы могъ я  
 привести васъ всѣхъ къ безды-  
 ханному шѣлу, тамъ попро-  
 силъ бы спрашную смертъ  
 примиришь васъ. Прахъ нена-  
 видишь прахъ, и кости попи-  
 рають кости! Познайте вашу  
 несправедливостъ! Придетъ  
 часъ, въ которой не можете  
 загладишь никакой несправед-  
 ливости! Гоненіе естѣ духъ  
 ада; любовь — духъ Божес-  
 ва. Прости ко мнѣ руку свою,  
 врагъ мой, кто бы ты ни  
 былъ — я прощу тебя; душа  
 моя неспособна къ ненавис-  
 ти. Еще естѣ у насъ руки,  
 чѣобы обняться; еще естѣ  
 глаза, чѣобы пролишь слезы  
 доброжелательства; еще естѣ  
 сердце, которое можетъ бишь-  
 ся для людей! Время жизни  
 крашко, и смертъ похищаетъ



у насъ эши дары. Горе тому,  
кто къ несчастію своихъ бра-  
тій употребилъ оныя во зло  
и никогда не пролилъ слезы  
примиренія!!! —

Конецъ второй Части.



Bayerische  
Staatsbibliothek  
München

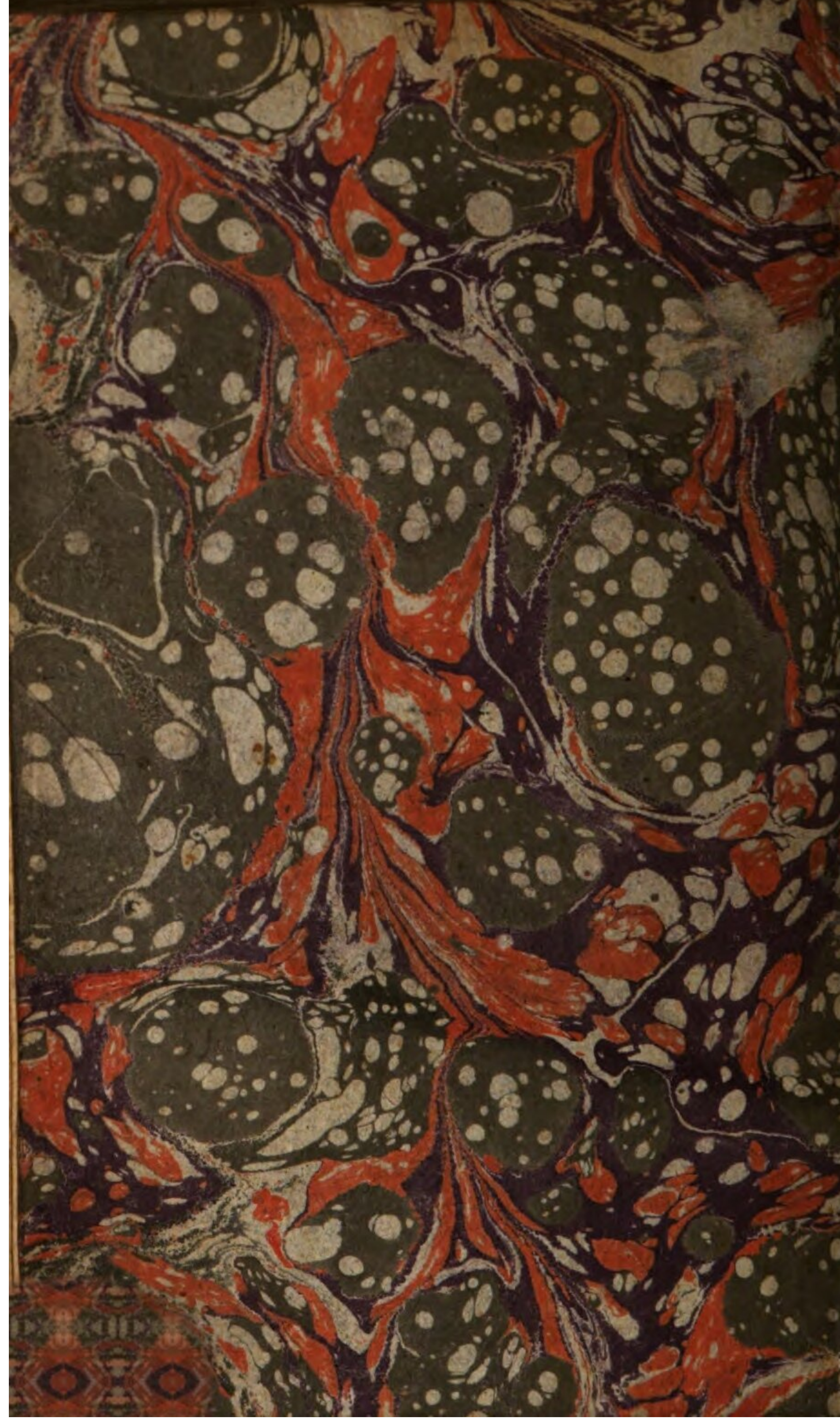








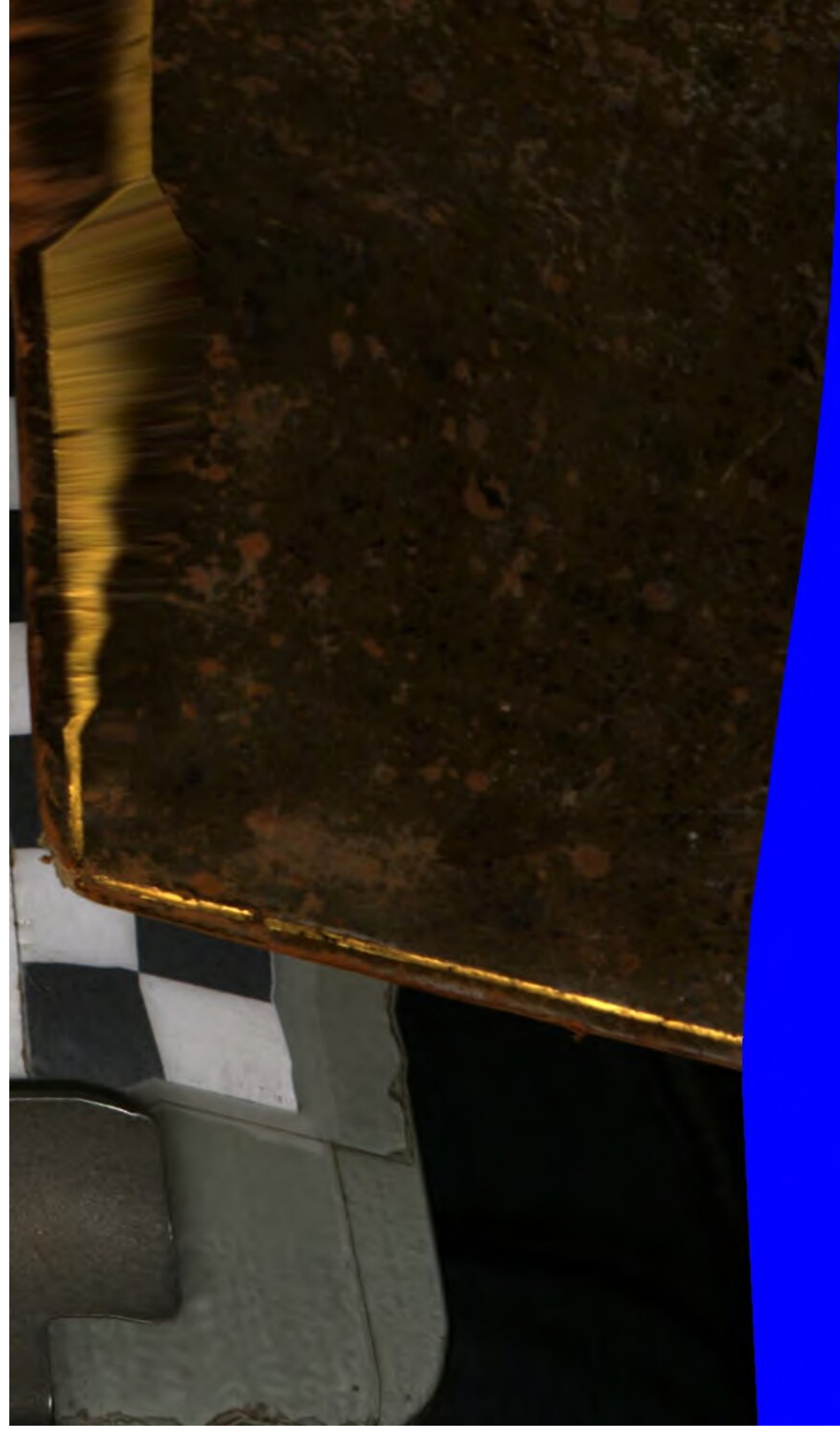














Eckartshausen, Carl <<von>>,

Terpimost' i čelověkoljubie [izobražennyja v trogatel'nych pověstjach]

Bd.: 2

Moskva 1817

P.o.germ. 2097 c-2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10130176-3